

ПАВЕЛ
АСТАХОВ

РЕЙДЕР

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Адвокат Артем Павлов

Павел Астахов

Рейдер

«ЭКСМО»

2007

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Астахов П. А.

Рейдер / П. А. Астахов — «Эксмо», 2007 — (Адвокат Артем Павлов)

ISBN 978-5-699-98528-9

Они называют себя санитарами бизнеса, но по сути – это самые настоящие стервятники. Ради захвата прибыльного предприятия они идут на любое преступление: подделка документов, подкуп судов и милиции, шантаж, угрозы, вымогательство и, наконец, беспощадный штурм. Противостоять рейдерам невозможно. Но на их пути встает человек, который их не боится и умеет с ними бороться, хотя это далеко не безопасно. Он – бесстрашный адвокат Артем Павлов, за которым охотится целая бригада киллеров, а милиционеры-оборотни не прочь надеть на него наручники. Но на его стороне лучший защитник – закон. Адвокат в жестокой смертельной схватке всегда следует ему, иногда в одиночестве... Ведь желающих обойти кодексы – легион, а способов – тысячи. В кровавую рейдерскую атаку втянуты все: боевики, юристы, олигархи, судьи, губернатор, ФСБ, международные преступники и даже Президент.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98528-9

© Астахов П. А., 2007
© Эксмо, 2007

Содержание

Пролог	6
Стакан	7
Штурм	8
Петя	10
Французский завтрак	13
«Заклеванный»	15
Кресло	16
Защитник	17
Соперник	19
Товарищ	20
Капиталист	22
Рейдеры	25
Скорая юридическая...	28
Особист	29
Белое-черное	31
Лишний	32
Артем	34
Предпродажная подготовка	36
Советник	39
Ревизор	40
Штаб	42
Предатель	44
Ложь	46
Депутат	47
Отступные	51
Торг	53
Компромат	54
Третий	56
Воспитатель	58
В осаде	59
Урок	62
Тот самый Пахом	63
Друзья	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Павел Астахов

Рейдер

© Астахов П., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*Автор выражает благодарность:
учителю и наставнику Генри Резнику –
за поддержку,
писателю Борису Акунину –
за ценные советы,
бывшему президенту Борису Ельцину –
за тему для романа,
сэру Фрэнсису Дрейку –
за название.*

*Если ваш бизнес никто не захватывает, значит, он просто никому
не нужен!*

Поговорка рейдеров

Пролог

Уютные пятничные вечера в почете не только у мирных граждан. Именно в пятницу вечером чаще всего арестовывают и задерживают подозреваемых по громким делам. Именно в пятницу приглашают на допрос тех, кто особо рьяно отстаивает свои права. И именно в эти часы, полные расслабляющей надежды на отдых, приходят с обыском – врасплох – к строптивым свидетелям, чей статус тут же меняется, а свобода ограничивается. Немудрено, что именно пятница традиционно и заслуженно называется у нас Днем следственных работников. Только для них да для крупных руководителей последний рабочий день нет-нет да и переваливает за полночь.

Президент заканчивал просмотр накопившейся к концу рабочей недели почты. Впереди его, как и всех, кому не грозит внезапный арест, ждали два дня отдыха на природе с любимицей Кони – единственным существом, которое безоговорочно и без раздумий выполняло каждую команду. Преданная Кони и впрямь была готова умереть за Хозяина.

Президент улыбнулся мыслям о собаке и оценил объем оставшейся работы. В раскрытой папке с надписью «Входящая корреспонденция» было всего несколько листков. Прочитав очередное обращение и сделав две короткие пометки на полях «обр. вним.» и «помочь!», он отложил лист и потянулся за следующим. На бланке Верховного суда оказалось обращение от имени Председателя Л. М. Краснова.

Президент углубился в текст и помрачнел. Главный судья писал о том, что судебная власть великой страны не может справиться с так называемым «рейдерством». Он поморщился. Слово было какое-то зубодробильное, неудобное, невыговариваемое, в общем, не русское. И непонятно было даже, как его правильно произносить: через «е» или через «э». А если через «е», то оба раза «е» или раз «е» и раз «э», или же через «э»... Тьфу, пропасть какая-то. ВеВе снова поморщился. Посмотрел на часы: 22.30 – и потянулся к кнопке вызова помощника.

Стакан

Хрустальный, со слезой, стакан, наполненный до краев, как всегда, в 22.30 стоял на столе. Двое: один, долговязый в белом халате и в очках, другой, коренастый крепыш в черном костюме и с наушником, – склонились над напитком. Взяв длинной пипеткой пробу, долговязый влил ее содержимое в пробирку и быстро добавил по капле из трех разных бутылочек: красной, зеленой, желтой. Несчастная биомасса запыхтела в тесной пробирке и начала переливаться всеми цветами радуги. Выпустив струйку пузырьков, она вновь обрела первоначальный цвет. Мужчины переглянулись.

– Вроде в норме... – не очень уверенно протянул мужчина в белом.

Раздался звонок, и тот, что в черном костюме, занервничал:

– Что значит «вроде»? Давай точнее! Не то сам будешь пить! – Он угрожающе двинул стакан к эксперту.

Тот отшатнулся:

– Да все в порядке! Не сомневайтесь! Можно подавать.

Крепыш в черном костюме покачал головой и, пробубнив под нос: «Вроде, вроде», взял поднос со стаканом и вышел из кабинета. Пройдя по коридору, он постучал в закрытую дверь и чуть приоткрыл ее:

– Разрешите?! – и, не дожидаясь ответа, вошел внутрь.

* * *

Со стакана упала капелька-росинка. Президент опустил стакан, так и не пригубив. Снова вернулся к письму Верховного: «...отдельные решения, принимаемые в региональных судах, направлены на обслуживание рейдерских захватов...» Он снова поморщился от «неудобного» слова и продолжил перечитывать: «...считаю необходимым просить Вас о прекращении полномочий следующих федеральных судей...» Далее шел список из восьми известных фамилий.

«Рейдеры, грейдеры, шмейдеры», – каламбурил про себя Президент. Он много раз указывал Краснову на недопустимость лишения судейских полномочий через прямое решение Главы государства. Безусловно, в стране, где именно Он назначает всех судей снизу доверху, только Ему принадлежит последнее слово. Но Президент не может позволить себя использовать. Даже если этого очень хочет Председатель Верховного суда.

Президент взял красный карандаш и наискосок аккуратно вывел наверху: «Поставьте вопрос перед Высш. квалиф. коллегией! Обойдитесь без Указа!» Положил карандаш, решительно взял стакан и медленно выцедил его содержимое. Обещавшие быть удачными выходные начались отвратительно: настроение испортила бумага Верховного, кефир был выпит без аппетита, а в голове засело дурацкое нерусское словечко.

Он легонько пристукинул кулаком по столу, поднялся и двинулся из кабинета. Оставалась последняя надежда восстановить предвыходное настроение – утопить горький осадок в водной стихии. Его ждали три лучших помощника: бассейн, сауна и душ.

Штурм

Около семи вечера пятницы в Коровяков переулок славного города Тригорска тихо заехали несколько пассажирских «Газелей» и огромный голубой автобус с тщательно задрапированными окнами. Переулок целиком занимали здания НИИ «Микроточмаш», однако вокруг не было ни души – большинство работников НИИ, по теплоте весеннему времени, уже часа два как покинули производство и разъехались по своим дачным участкам.

Сидящий в первой «Газели» грузный, краснолицый мужчина в безвкусном, но при этом явно дорогом костюме скользнул взглядом по переулку и поднес ко рту переговорное устройство.

– Напоминаю для особо тупых – никаких «тяжких телесных». Если приедут менты, в драку не вступать, разговаривать с ними буду я и судебные исполнители. А теперь... первый... второй... третий – пошел!

Двери «Газелей» сдвинулись, и оттуда, громяхая тяжелыми ботинками, посыпались штурмовики – крепкие молодые парни в камуфляжной форме с нашивками частной охранной структуры «КЛЕЩ».

В кармане краснолицего тренькнуло, и он, бросив взгляд на определившийся номер, вытащил мобильный телефон.

– Слушаю, Петр Петрович...

– Ну, что там, Колесов? Ты начал? – проворковал тихий, вкрадчивый голос.

– Начал.

– Все тихо?

– Да.

Телефон отключился, и Колесов сунул его в карман, выбрался из «Газели», еще раз оглядел переулок и неторопливо двинулся к проходной. Там уже слышались короткие вскрики и звон бьющегося стекла.

Время для рейда они выбрали очень удачно. Как раз вчера милиционеры из разрешительной системы забрали все оружие охранников НИИ на ежемесячную проверку, и это позволяло провести захват чисто, без ненужной стрельбы и риска. Да, и пятница была выбрана тоже не случайно: уж встречный иск до понедельника подать не удастся никому – суды закрыты, судьи отдыхают.

Колесов зашел на проходную, окинул взором разгромленную стеклянную будку пропускного пункта и перешагнул через распростертого прямо на проходе немолодого охранника НИИ. Второго охранника, растерянно утирающего кровь с разбитого лица, штурмовики блокировали уже внутри будки.

– Позвонить, гнида, успел... – процедил старший звена – высоченный, около двух метров, детина. – Сейчас менты будут.

Колесов поджал губы, выразительно покачал головой и двинулся дальше. Он проводил инструктаж раз шесть. Терпеливо объяснил, кому куда бежать и кого и как блокировать. Но «клещи» не были так уж профессиональны, потому и получают всего по двести долларов за эти полчаса работы плюс премия для тех, кто умудрится выполнить свою задачу без проколов.

Где-то впереди раздался женский визг, и Колесов ускорил шаг. Вошел в приемную, бросил взгляд на зажатую в углу дюжим «клещом» секретаршу и заглянул в приоткрытую дверь директорского кабинета. Пунцового от ярости директора НИИ «Микроточмаш» Александра Ивановича Батракова, крупного, сильного мужчину, едва удерживали в кресле двое штурмовиков, пока третий обшаривал стол в поисках ключа от сейфа.

– Вечер добрый, Александр Иванович, – кивнул Колесов.

Батраков словно получил пощечину.

– Т-ты?! – не веря своим глазам, выдохнул директор. – Что ты здесь делаешь?! Что происходит?!

Колесов недобро усмехнулся, хотел было зайти и объяснить Батракову, кто есть кто, как вдруг услышал негромкий, но очень характерный хлопок. От этого до боли знакомого звука выстрела он невольно пригнулся:

– Е-мое!

«Только бы не Пахом!» – мелькнуло в голове руководителя захвата.

Саша Пахомов, бывший «афганец», бывший чекист и здешний особист, изрядно пил, но – с его огромным боевым опытом – был крайне опасен. И если Пахомов задержался на работе, число проблем серьезно возрастало. Этим щенкам, то есть «клещам», его точно было не взять.

Колесов метнулся в приемную, оттуда – в коридор, пробежал несколько метров и застыл на месте. В отходящем от коридора аппендиксе, как раз у настежь распахнутых дверей в спецчасть, столпились четверо растерянных, явно не знающих, что предпринять, «клещей». Еще один, усыпанный обломками табуретки и с разбитым лицом, лежал на пороге.

– Этого мне еще не хватало! – зашипел, как от ожога, Колесов.

Пахомов определенно был на рабочем месте.

– Эй, командир, – испуганно и криво улыбнулся ему один из штурмовиков. – Ты же говорил, у них стволов нет!

– В сторону! – яростно приказал Колесов и, прижимаясь к стене, быстро скользнул к распахнутой двери. – Пахом! Ты, что ли?!

Изнутри послышался густой нетрезвый мат и – снова – выстрел.

– Откуда у него ствол?! – продолжал нагнетать обстановку «клещ». – Ты же сказал, все стволы менты выгребли!

– У Пахома «стечкин» именной, – нехотя прояснил ситуацию Колесов, – с Афгана еще. Командарм Громов подарил.

Только что громившие направо и налево НИИ и все еще возбужденно дышавшие «клещи» уважительно притихли, а Колесов досадливо крякнул и тронул носком ботинка лежащего на пороге боевика. Тот слабо пошевелился.

– Значит, так, – повернулся он к остальным, – блокировать снаружи и ждать. И чтоб никакого мне геройства. Иначе он нас, – Колесов тяжело вздохнул, – то есть вас... всех положит.

Колесов критически оглядел уже начавших приходить в себя штурмовиков, достал из кармана мобильник и стремительно двинулся прочь. У него еще хватало дел в захваченном НИИ.

Петя

Спирский сидел в своем московском офисе на Космодамиановской набережной и задумчиво разглядывал стоящий на краю стола фотографический портрет. С него на Петра Петровича смотрел круглощекий ясноглазый мальчуган, зажатый молодыми, счастливыми, улыбающимися лицами мамы и дяди Лени Краснова – ныне Председателя Верховного суда России.

Это была единственная фотография, сделанная случайно в парке Сокольники у уличного фотографа много лет назад и сохраненная матерью. Петя, перебирая архив, оставшийся после смерти мамы, нашел ее и отдал в фотоателье. Там ее подретушировали, раскрасили, увеличили и размножили. Одно фото Спирский отправил Краснову, который к тому моменту был еще и.о. Председателя Верховного суда, другую поставил на стол в офисе. Ну, и еще одну повесил в гостиной дома.

Каждый, кто приходил к нему в офис или домой, неизменно умилялся Петиной мордашкой, затем отмечал необычную красоту матери, а потом несказанно удивлялся, опознав в улыбающемся статном мужчине бессменного Главного Судью страны.

– Ну что, «дядя Леня»? Поможем сыночку? – Петя подмигнул улыбающемуся отцу и сам же себе ответил – густым «красновским» басом: – Конечно, поможем!

С фотографии он перевел взгляд на компьютерный монитор, удовлетворенно улыбнулся и замурлыкал незатейливый мотивчик. Рыцари его любимого детища игры «The Knights Story» завершали захват соседнего замка.

Тихонько и тактично, словно боясь отвлечь сына Председателя, пусть и внебрачного, от его важных дел, брякнул телефон, и Петр Петрович протянул руку. На дисплее значилось: «Колесов».

– Что там еще? – недовольный тем, что приходится отрываться от размышлений, манерноотреагировал Спирский.

Он был абсолютно уверен, что в Тригорске все должно пройти как по нотам.

– Есть проблема, – раздался из трубки голос Колесова, и тут же – странный, далекий хлопок.

Спирский насторожился. Этот неприятный звук был похож на выстрел.

– Говори.

– Особист на работе оказался. Пьяный, сволочь...

– Вы его обезвредили? – поинтересовался Спирский.

– Да. Почти. Блокировали прямо в спецчасти.

– Тогда в чем проблема?

В трубке снова хлопнуло.

– Некоторые документы... о которых вы говорили. Они находятся именно там, внутри, – после затяжной паузы отозвался Колесов, – и пока Пахомов не сдастся, нам их не изъять. А он не сдастся, пока не протрезвеет...

Спирский раздраженно хлопнул по клавиатуре и, даже не дав предводителю водрузить победный флаг, вышел из игры.

– Это все?

– Нет. К нам едут менты. Им с проходной успели позвонить. Но это я решу.

Спирский недовольно крякнул и откинулся на спинку кресла. Обычно для подобной работы Петр Петрович нанимал ребят из Главного следственного управления, прозванного в предпринимательской среде ГэСэУ. За вполне умеренную плату они могли завести уголовное дело, провести обыски и совершенно разрушить всю систему защиты компании-жертвы. Причем нанять этих молодых, активных и жадных до денег парней можно было и для решения вопросов с иногородними «клиентами». Совсем недавно Петя провернул захват одной ниже-

городской телефонной компании, и московские гэсэушники – опера и следователи – решили о-очень многие вопросы, начиная от бесконечных вызовов на допросы всех руководителей и акционеров и заканчивая традиционным изъятием бухгалтерских документов.

Спирский поднялся из кресла и подошел к окну. Там, прямо под окнами офиса, несколько воробьев делили заплутавшего после недавно прошедшего ливня жирного дождевого червяка.

Сотрудничать с ГэСэУ вообще было очень выгодно. Попав на отлаженный милицейский конвейер, его «клиенты», как правило, совершенно терялись, а главное, теряли представление о том, что происходит на самом деле. Вот как этот червяк, понятия не имеющий, кто его клонет следующим. Между Петей и гэсэушниками сложились настолько прочные отношения заказчика и исполнителей, что никто из ГэСэУ уже давно не задавал ему никаких вопросов. И только на этот раз, из-за каких-то внутренних проблем, московские милиционеры в Тригорск выезжать отказались.

Петр Петрович сложил руки на груди. Спирский не был бы Спирским, если бы не нашел выхода из положения. Тщательно пересмотрев ксерокопии приказов по НИИ, добытых через подкупленных недовольных бухгалтеров, он очень быстро отыскал изгнанного из «Микроточ-маша», теперь уже бывшего начальника охраны Колесова, и они прекрасно друг друга поняли.

– Сделаю, – угрюмо кивнул Колесов. – Систему охраны я знаю как свои пять пальцев. Главное, чтобы у вас все было «хоккей». Вы понимаете, о чем я?

Спирский тогда снисходительно улыбнулся:

– Если вы о правоохранительных органах, то можете не беспокоиться. Все предусмотрено.

Он действительно учел все, до мельчайших деталей. И только засевшего в спецчасти, словно в окопе, нетрезвого особиста предусмотреть оказалось невозможно. И кое-какие их планы тот уже нарушал.

* * *

Александр Иванович Батраков – очень уважаемый в городе и заслуженный человек – был в бешенстве. Его рабочий стол был завален вывернутыми из ящиков бумагами, а его самого ощупывали, словно девку.

– Нашел, – подал голос один из налетчиков и вытянул из директорского кармана тяжелую связку ключей.

– Вы за это ответите! – чуть не задохнулся от ярости Батраков и тут же наткнулся взглядом на Колесова.

Бывший начальник охраны НИИ, изгнанный не так давно директором, снова стоял в дверях кабинета.

– Тебя же в наручниках отсюда уведут, Колесов! – пообещал Батраков.

– Ключи от сейфа нашли? – не обращая на бывшего начальника ни малейшего внимания, поинтересовался бывший подчиненный у бойцов.

– Нашли какие-то, – протянули ему только что извлеченную из кармана директорских брюк связку.

Колесов кивнул, взял связку и подошел к высокому сейфу в углу кабинета. Подобрал ключ, открыл дверцу и достал пластиковую коробку.

– Ну вот, и печати у нас. Даже переделывать не придется.

Батраков обмер.

– У кого это «у вас»? – все еще не веря в реальность происходящего, выдохнул он.

– У нового руководства НИИ, избранного собранием акционеров, – спокойно пояснил Колесов и сунул связку ключей в карман. – Кстати, я – новый начальник службы безопасности этого предприятия.

Директор НИИ хлопнул глазами и, сбрасывая наваждение, мотнул головой.

– Что за бред? У меня 63 % акций! Какое может быть новое руководство? Какое собрание акционеров? Я ничего не проводил!

Но Колесов не собирался поддерживать беседу. Он отошел к окну и достал пискнувшую рацию.

– Что с бухгалтерией? Хорошо. А в цехах кто остался? Понял. Что-что?! Милиция? Патруль? Да-да, конечно, проведите. Но только вместе с судебным исполнителем. Прямо в директорский кабинет. Отбой!

Батраков сосредоточился, анализируя услышанное. То, что сюда идет милиция, было хорошо, но он совершенно не представлял, что может делать в его кабинете судебный исполнитель: ни долгов у НИИ не было, ни претензий к нему никто не предъявлял – уже много лет.

– Отпустите его, парни, – распорядился Колесов, и директора мгновенно освободили. – Теперь он безопасен и никому не нужен. – Колесов отвернулся от сверженного директора.

Батраков поднялся из кресла, потер затекшие кисти рук и с горечью произнес:

– Зря я тебя тогда пожалел, Колесов... надо было на тебя еще и уголовное дело завести!

Колесов резко повернулся и угрожающе двинулся к Батракову.

– А я тебе, старый козел, обещал, – с ненавистью прошипел он, – что тебе это с рук не сойдет! Вот я и вернулся! И никакие адвокаты тебе не помогут!

Директор стиснул зубы, в поисках, чем бы в него запустить, оглядел заваленный бумагами стол и уткнулся взглядом в рассыпанные веером визитки.

«Артем ПАВЛОВ. Адвокат» – значилось на самой верхней.

– Нет... – пробормотал он, отказываясь поверить в столь явный знак судьбы, – этого не может быть...

Французский завтрак

– Ну что, мэтр, когда возвращаетесь в Россию? – спросил Вольдемар, сделав глоток красного вина из высокого фужера.

– Еще не решил, – улыбнулся откровенно наслаждающийся выходными в Париже Павлов. – Съезжу в Барбизон... погуляю в Фонтенбло... а уж потом...

Вольдемар понимающе кивнул, и Павлов погрузился в созерцание. Последние 11 лет, посещая Париж, он обязательно встречался с Вольдемаром, но до сего дня Артем затруднился бы точно определить статус своего парижского знакомого. Товарищ? Пожалуй, отчасти. Знакомый? Безусловно, чуть больше. Друг? Все ж не совсем... хотя в общечеловеческом плане – конечно же. Может быть, партнер? По отдельным вопросам бывало и так. В общем, отсутствие четкого понимания статуса их встреч и отношений не доставляло им каких-либо неудобств, а скорее, наоборот, гарантировало обоим полную свободу и непринужденность в общении.

Не сговариваясь, они встречались именно в этом кафе на Рю де Риволи, сразу же налево от одной из лучших гостиниц французской столицы «Маурис», напротив сада Тюильри, где любой прохожий, внимательно глядящий себе под ноги, мог натолкнуться взглядом на выложенную мозаикой из цветных камней надпись «Angelina».

Это было людное, модное и шумное место, расположенное напротив зеленой решетки вечно цветущего сада. В утренние часы здесь завтракали спешащие на работу парижане и, что особенно приятно для двух холостяков, милые парижанки. А затем кафе наполнялось многоязыкой толпой туристов, бредущих из хрустальной пирамиды Лувра, что высилась в двух кварталах отсюда. Пожалуй, именно в этом небольшом, шумном, но всегда уютном кафе Артем особенно остро чувствовал знаменитый дух Парижа – неугомонный и задорный.

Они расположились в глубоких кожаных креслах в углу, сразу же за лестницей. Только этот столик был обращен к огромной стеклянной витрине так, что были видны вся проезжая часть, улица, сад Тюильри со скамейками и фонтаном, гуляющие парочки и все посетители кафе, которые оказывались в поле зрения сидящих за столом. И только этот столик всегда был снабжен табличкой «RESERVE» – дань уважения хозяина кафе почетному посетителю, которому он определенно был обязан чем-то важным.

Чаще всего завсегдатаи с интересом разглядывали шумных посетителей, в основном туристов, развлекаясь тем, что наперегонки угадывали язык и страну, из которой приехал тот или иной гость. Впрочем, Вольдемар, знавший в совершенстве пять языков и сносно изъяснявшийся еще на трех, никогда не уступал Павлову, и чаще всего им приходилось останавливать игру, договариваясь о ничьей. Но сегодня они просто наслаждались покоем.

– Как я понимаю, дело Голицына закончено, – рассеянно глядя в витрину, нарушил молчание Вольдемар.

Павлов еле заметно кивнул:

– Да, мы выиграли суд. Иск вашего друга удовлетворен полностью. Остались формальности, а с ними легко справится мой партнер в Париже мэтр Элизабет.

Артем пригубил вино и прикрыл глаза. Выбор Вольдемара был, как всегда, удачен: Шато-Брие урожая 1982 года имело необычайно тонкий и насыщенный вкусовой букет.

– Нет, Голицын и его компаньоны мне не друзья, – отозвался Вольдемар. – Это просто знакомые и клиенты. Весьма перспективные клиенты – и для меня и для вас, месье Артем. Насколько я знаю, их бизнес в Европе расширяется, а значит, им еще понадобятся услуги толкового адвоката. Тем более что вы соотечественники... Кстати, как вам работается во Франции?

Павлов усмехнулся.

– Неплохо. Здесь мне существенно легче защищать клиента с помощью своего главного оружия – знания закона.

Вольдемар удивился:

– А что, разве в России адвокат работает как-то иначе?

По лицу Павлова пробежала тень – на долю секунды, не более.

– В сегодняшней России адвокат – слишком часто – просто посредник между сторонами. – Он поставил бокал на столик. – Иногда может быть интриганом и политиком... и даже брокером на судебно-криминальной бирже.

Француз недоуменно поднял брови, и Павлов понял, что придется объяснять:

– Некоторые мои коллеги сбрасывают во время судопроизводства акции своих клиентов, предпочитая заработать на предательстве... Впрочем, этих я за коллег не считаю.

Вольдемар недоверчиво хмыкнул.

– Странно, я считал, что в России сейчас растет спрос на услуги адвокатов и они процветают...

– Сегодня растет спрос на прокурорские и милицейские услуги, – отмахнулся Павлов, – процветают же посредники – их родственники, бывшие коллеги и друзья тех, кто заводит дела и сам же их прекращает.

Парижанин потрясенно глядел на Артема.

– А как же все эти громкие процессы, которые вы без конца ведете, будоража общественность разоблачениями бездарных «заказных» дел?! Разве не вы освободили вашего клиента Гусинского от преследования?

– Ну да, освободил, – горько усмехнулся Павлов, – от преследования, медиа-активов и лишних денег...

– И все же адвокат решает что-то сегодня или нет? Неужели все так плохо?!

Павлов на секунду ушел в себя, а затем посмотрел Вольдемару прямо в глаза:

– Думаю, что может быть и еще хуже. После дела Ходорковского всех его адвокатов потребовали исключить из адвокатуры. Двенадцать человек! Я буду одним из тех, кто встанет на их защиту.

Вольдемар потрясенно молчал. Он многое повидал на своем веку, но даже не представлял, с каким вопиющим беззаконием приходится сталкиваться мэтру Павлову.

«Заклеванный»

Генеральный директор ООО «МАМБа» Петр Петрович Спирский так и застыл у окна, любясь бесстыдной схваткой над еще живым и, надо полагать, все понимающим червяком. Понятно, что со стороны жертвы медленное склевывание выглядело вопиющим беззаконием, и устало извивающийся червяк наверняка уже получил инфаркт всех четырех своих сердец. Однако это трогало Спирского менее всего; его куда как сильнее интересовало развитие конфликта между воробьями. Длинного и толстого червяка наверняка хватило бы на всю стаю, но, вот беда, делиться воробьи не умели, да и не хотели.

Петр Петрович вздохнул. Ему-то приходилось делиться со многими. Как-то раз ему заказали «поглощение» сети закусовых, размещенных на автозаправках Московской области. Заправки имели известный английский бренд, а связей в милиции у Спирского еще не было. Пришлось подбирать целую команду из бывших, некогда изгнанных из органов оперативников.

Инсценировка была поставлена с размахом. Директора сети буквально завалили повестками, постановлениями и запросами от имени подразделения Главного следственного управления Центрального федерального округа России. Целых полгода тренированные юристы «МАМБы» вели «следствие» по делу закусовых, отписывая все процессуальные документы без малейших помарок и тем более ошибок.

Дошло до того, что Спирский снял целый этаж в старом особняке в центре Москвы. По дверям развесили грозные вывески: «Начальник ГСУ ЦФО РФ», «Начальник следственной части ГСУ ЦФО РФ», «Старший следователь по особо важным делам ГСУ ЦФО РФ» и т. п. устрашающие названия. Сюда трясущегося от ужаса директора сети и вызвали... Около 10 часов абсолютно профессионально «допрашивали», после чего отобрали подписку о невыезде и обязательство являться в этот несуществующий отдел несуществующего управления по первому же требованию.

Рейд завершился вполне удачной сделкой по продаже всех этих отобранных заправочных кафетериев владельцу сети ресторанов-закусовых, чей логотип, словно флаг победы, мгновенно сменил прежний и встречается теперь чаще, чем бензин марки АИ-98.

Телефон деловито завибрировал, и Петр Петрович, не переставая следить за воробьями, принял вызов. Это был Колесов.

– Милиция прибыла, – коротко отчитался новый начальник охраны НИИ.

– Хорошо, – кивнул Спирский, взял фломастер и поставил в списке напротив строки «п. 14. Милиция» жирную галочку. – Продолжай.

Кресло

– Что случилось?! – послышалось с порога кабинета, и в дверь вошел сержант в сопровождении трех автоматчиков, облаченных в бронежилеты. – Здравствуйте, Александр Иванович. Что здесь у вас происходит?

– Грабеж! Бандитский наезд! – вскочил со своего кресла директор и почти побежал навстречу милиционерам. – Ворвались, понимаешь! Выгребли сейф...

Колесов усмехнулся, выглянул за дверь, и в кабинет тихонечко вошел полный молодой человек в очках, строгом сером костюме и с папкой в руке. Поправил очки и так же тихо поздоровался:

– Добрый день!

– Скорее вечер, – бесцеремонно ответил ему сержант. – А вы кто будете? Тоже из банды?

– Я из службы судебных приставов. Серов моя фамилия.

Мягко ступая по паркету, молодой человек подошел к столу и, раскрыв папку, начал выкладывать на стол бумаги.

– Что это вы здесь раскладываете? – насторожился Батраков.

– Это судебное решение о наложении ареста на девяносто процентов акций акционерного общества «Микроточмаш», – спокойно пояснил судисполнитель.

Директор потрясенно хлопнул глазами, а молодой человек так и продолжал раскладывать бумаги.

– Это протокол собрания акционеров о переизбрании совета директоров...

Сержант подошел к столу и пролистал документы.

– Ну... вроде все правильно, – без особой охоты признал он. – Вы сами-то это видели, Александр Иванович?

Директор схватил бумаги и начал судорожно их листать.

– Это же бред сивой кобылы! Нам предъявили иск на семьдесят два миллиона рублей. Да я и фирмы этой не знаю! Явное же мошенничество!

– Вот только решение суда в любом случае настоящее, – протянул ему листок сержант.

Оторопевший Батраков принял документ.

– Решением Усть-Пинского районного суда... – прочитал он по слогам и поднял взгляд: – Где это находится?

– На досуге в атласе найдете, – вступил в разговор Колесов и повернулся к сержанту: – А мне время дорого. Сержант, вы убедились, что мы действуем по закону?

Милиционер нехотя кивнул.

– Тогда желаю успешного прохождения службы, – Колесов дружелюбно взял «под козырек». – Остальное – прерогатива судебных исполнителей.

Директор проводил развернувшегося милиционера изумленным взглядом, медленно осел в кресло, потянулся к телефону с гербом, но Колесов тут же прижал трубку рукой.

– А вас, Александр Иванович, я попрошу покинуть помещение. Вы уволены.

Батраков поднял глаза и медленно покачал головой:

– Не ты меня в это кресло сажал...

Колесов на секунду задумался и недобро усмехнулся:

– Да никто и не претендует на ваше кресло. Вы, главное, рабочее место освободите.

Директор стиснул зубы, а его вцепившиеся в подлокотники крупные пальцы побелели от напряжения. Колесов окинул его внимательным взглядом и кивнул штурмовикам:

– Помогите Александру Ивановичу расстаться с прошлым... Можно и на руках – вместе с его любимым креслом.

Защитник

Вольдемар напряженно думал. То, что рассказал ему Артем, изрядно меняло его представление о положении дел в России. Но проигрывать в споре он все же не собирался.

– И все же русский адвокат решает что-то или нет? Или он бесправен?

Павлов пригубил вина.

– Я, как оптимист, полагаю, что может стать еще хуже. Похоже, репрессии адвокатов Ходорковского – только начало атаки на закон.

– Не обобщайте, – замотал головой Вольдемар, – адвокаты Ходорковского защищали врага государства.

– Даже враг государства имеет право на защиту, – Павлов усмехнулся, – особенно если его назначили на такую «должность». А если разрушить право на защиту, тогда карательная функция государства обернется волком, попавшим в овчарню. И мы это уже проходили.

Вольдемар недовольно поморщился:

– Если вы о процессах 30-х годов, то это – спекуляция... у Сталина вряд ли был иной способ централизовать власть.

Павлов покачал головой:

– Я говорю не только о 30-х. Первые политические процессы над адвокатами прошли в конце XIX века. Романовы испугались независимости адвокатуры от них лично... – Артем прищурился, – а в результате потеряли всю страну.

Вольдемар тяжело задумался, и Павлов добавил:

– Да и у вас во Франции случилось то же самое. Вспомните процессы над Людовиком XVI и Марией Антуанеттой. Вспомните, как притесняли тогда адвокатов, а по сути закон. И чем это кончилось? Революцией, голодом и террором – настоящим торжеством беззакония.

– Марат и Робеспьер сами были адвокатами... – насупился Вольдемар.

– Верно, – легко согласился Павлов, – и Ульянов-Ленин – тоже. Правда, все они были неудачниками!

– Да, неудачи – это не ваш стиль, мэтр Павлов, – натянуто улыбнулся Вольдемар, – но ведь надо понять и власть. Ваши отцы нации решают задачи по наведению порядка. Делают это в условиях исторического цейтнота, в сложных внешнеполитических условиях. Полагаю, и вопрос целостности России стоит весьма актуально!

Павлов, соглашаясь, кивнул, и воодушевленный Вольдемар выложил главный аргумент:

– Хотите вы этого или нет, а в таких условиях излишнее следование букве закона снижает эффективность действий! Кстати, гонимые сейчас олигархи прикидываются овечками и молят о политическом убежище, хотя они в свое время вовсе не церемонились с законом! Укрепление государства – вот первоочередная задача для ваших властей.

Он победно оглядел оппонента, и Павлов, принимая вызов, кивнул.

– Уверен, что соблюдение законов и гарантии собственности укрепят Россию ничуть не хуже... А когда государство лихим захватом прибирает к рукам целую нефтяную империю, то какой пример она подает гражданам?

Наступила затяжная пауза. В кафе гурьбой зашли несколько туристов, и Вольдемар, пользуясь возможностью уйти от этого неприятного разговора, дружески улыбнулся:

– Да... в России работать интереснее, чем во Франции. Столько событий каждый день. Отличное поле деятельности для полного сил, прекрасно образованного мужчины...

– Да уж... не соскучишься, – усмехнулся в ответ Артем и снова посмотрел в зал на туристов.

Его собеседник проследил за взглядом Павлова.

– Что вас так заинтересовало, мэтр? По-моему, обычные туристы из Швеции.

– Из Норвегии, – поправил его Артем. – Я изучал этот язык, когда готовился к работе в этой стране.

Вольдемар прищурился; он все еще находился под впечатлением напряженного спора.

– Повезло скандинавам, что вы так и не приехали к ним, – пошутил он. – Кстати, мэтр, а вы не жалеете, что так и не стали работать по основной профессии, а перешли на адвокатскую ниву?

Павлов на мгновение задумался.

– Нет, Вольдемар, – покачал он головой, – я ни о чем не жалею. Я выбрал занятие по душе и увлечен своей профессией. Мне действительно нравится защищать людей.

– Ну, тогда вы – счастливый человек, – развел руками собеседник.

Соперник

Губернатор аккуратно положил трубку на рычаги и поднял тревожный взгляд на своего заместителя Аксенова:

– Батраков звонил. Говорит, что НИИ захвачено вооруженными людьми. Ты ничего об этом не знаешь?

Заместитель на секунду замер.

– Слышал кое-что. Говорят, у него какие-то проблемы с москвичами... то ли долги, то ли претензии по качеству...

– Да в том-то и дело, что не с москвичами! – раздраженно рыкнул губернатор. – Какое-то ООО из... Усть-Пинска, что ли. Кстати, ты не знаешь, где это?

Аксенов досадливо крякнул:

– Иск, Валерий Матвеевич, можно откуда угодно подать. Я вам точно говорю, это москвичи.

– И что же делать? – расстроился губернатор.

– Самое умное: не вмешиваться, – сурово покачал головой Аксенов. – У «Москвы», будьте уверены, все по закону. И если дело дошло до захвата, значит, Батраков и впрямь накуролесил – дальше некуда.

Губернатор сокрушенно покачал головой, поднялся из-за стола и подошел к окну. Как правило, его заместитель оказывался прав; чутье у Аксенова было... дай Бог каждому. Но знать, что некогда ведущее НИИ страны захвачено базарными барыгами, и не иметь права на вмешательство... это было тяжело.

– Вот увидишь, Иван Степанович, – сварливо пообещал он Аксенову, – сдадут они сверхсложное оборудование на цветной металл, наспигуют пустые цеха вьетнамцами и будут шить тапочки.

Аксенов лишь пожал плечами:

– Закон есть закон. А его, сами знаете, не переспоришь.

Товарищ

Директора крупнейшего регионального института и бывшего оборонного предприятия, самого Александра Ивановича Батракова вынесли за проходную прямо в кресле.

– Что вы делаете?! – чуть не плакала бегущая за парой здоровенных бойцов секретарша. – Как вам не стыдно!

Но «клещи» не обращали внимания ни на нее, ни на взбешенного директора. Когда Батраков оказался за воротами, он сразу же вытащил мобильный телефон и сделал два главных звонка: губернатору и прокурору области. И впервые за всю историю города прокурор ничего обещать не стал.

– Усть-Пинск? – переспросил он. – Знаю такой городок. И судью тамошнюю, Григорову, знаю. Сильная судья. Грамотная. Взяток не берет. Это вам все юристы скажут.

Все еще красный от возмущения Батраков растерялся. Неподкупная судья, помогающая мошенникам, – в его голове это не укладывалась. А главное, прокурор определенно самоустраивался от участия в судьбе бывшего оборонного предприятия союзного значения.

– И что же мне делать?

– Адвоката наймите, – сухо порекомендовал прокурор. – И мой вам совет: не пытайтесь экономить на знании законов. Пригласите самого лучшего, какого сможете найти.

В телефоне послышались гудки, и совершенно раздавленный таким поворотом дела Батраков впал в проstration.

– Что делать, Александр Иванович? – прерывающимся голосом напомнила о себе секретарша. – Ужас-то какой! Что же делать?

– Домой иди! – рявкнул Батраков. Он и сам не знал, что теперь делать.

«Может, Перовскому позвонить?»

Директор на секунду замер и досадливо оттолкнул от себя кресло. Именно с Перовским, старым институтским товарищем, была связана одна из самых неприятных историй, в какие только попадал Александр Иванович. Вдобавок в самый разгар отпускного сезона. И вспомнить об этом несостоявшемся отпуске было тяжело.

* * *

Большинство руководителей его ранга предпочитали отдыхать за рубежом, но Александр Иванович за границы побаивался, а потому каждый август проводил в любимом еще с советских времен санатории ВЦСПС в Евпатории. И только в 1998-м Батраков отпуск отложил.

В тот сумасшедший год на НИИ обрушился шквал заказов, и контрагенты тут же переводили платежи – авансом, избавляясь от подпирающих бюджеты инфляционных рублей. За неделю до 17 августа 1998 года расчетный счет «Микроточмаша» трещал от денег. Зарплаты и отпускные были выплачены вовремя и даже вперед. Вот тогда-то Батракову и позвонил Перовский. Как всегда, в деловой манере, не тратя понапрасну свое и чужое время, Анатолий Михайлович посоветовал совершить простую финансовую операцию: конвертировать все имеющиеся рублевые средства в доллары. Более того, Перовский порекомендовал взять в банке максимально возможный рублевый кредит и его также обменять на валюту.

– Мне нужно время подумать, – попытался уклониться от этой малопонятной операции Батраков.

И тогда Перовский рассмеялся:

– Вот увидишь, через пару недель у многих директоров появится и достаточно свободного времени, и сам повод для раздумий. А сейчас надо действовать.

Эта странная фраза и задела Батракова за живое. Да, совет Перовского выглядел совершенной глупостью: все последние месяцы доллар только падал. Однако институтский приятель не часто предлагал какие-либо сделки Батракову, а если предлагал, оба неизменно оставались в прибыли.

Отношения с банком у Батракова были наилучшими, а прочное финансовое положение института позволяло взять в кредит практически любую сумму. Он позвонил председателю банка, и через два дня деньги для «приобретения нового оборудования» были уже на счетах НИИ. Ну, и еще один день ушел на конвертацию.

И началась самая тяжелая за последние несколько лет жизни Александра Ивановича неделя. Едва доллары поступили на валютный счет, он стал хвататься за сердце как минимум два раза в день. Валидол и корвалол прочно поселились на его рабочем столе, а Батраков только и делал, что проклинал падающий доллар, Америку, президента Клинтона и, конечно же, «недоделанного капиталиста» Перовского.

Он звонил своему советчику через день, высказывая Перовскому все, что он о нем думает, бесился, порывался срочно продать приобретенные и уже порядком «упавшие» доллары. Но затем начинал подсчитывать уже имеющиеся убытки и снова и снова хватался за голову, за сердце и таблетки. А потом его терпению пришел конец.

В пятницу вечером Александр Иванович дал указание главбуху подготовить платежки для продажи валюты и возврата кредита. А в понедельник 17 августа 1998 года, когда Батраков подписал перевод денег на обратную конвертацию и погашение кредита, а главбух уехала в банк, наступила расплата.

Все, что произошло дальше, Александр Иванович был обречен помнить всегда. Но именно потому, что тогда Перовский оказался прав, ему следовало звонить – и немедленно.

Капиталист

Перовский поднял трубку и опешил:

– Саша?

Батраков не звонил ему с того самого дня – с 17 августа 1998 года.

– Выручай, – тяжело выдохнул директор НИИ в трубку на том конце провода. – Я уж и не знаю, к кому обращаться.

Перовский сосредоточился, терпеливо выслушал, понял-таки, чего от него хотят, и, сделав многозначительную паузу, ударил институтского приятеля ниже пояса:

– Ты, как всегда, ошибся, Александр Иванович. Это не моя проблема, а главное, это не в моей компетенции. Обращайся к адвокатам.

И повесил трубку.

Он тоже запомнил тот день, как никакой другой, – и не только потому, что стал вчетверо богаче. Именно в тот «черный понедельник» Перовский потерял друга.

Поутру, едва нажав «первую кнопку» пульта, он понял, что победил. Шел дневной выпуск новостей, и Катя Андреева с ее, как всегда, безукоризненным пробором и серьезным видом говорила об обвале рублевых торгов на ММВБ и приостановке всех операций по конвертации до особого распоряжения Центробанка.

Перовский переключился на НТВ, но и там увидел то же самое. Дефолт уже прокатился по стране, и те, кто держал свои средства в валюте, а еще более те, кто обратил в доллары свои рублевые займы, оказались в колоссальном выигрыше.

«Странно, почему Саша не звонит?» – едва справившись с волнением, подумал Перовский. Его друг Александр Иванович Батраков попадал и в ту, и в другую категорию счастливых и должен был сейчас прыгать от радости. Невзирая на возраст.

Перовский набрал номер друга, начал расспрашивать о самочувствии, так, между делом, поинтересовался, не хочет ли он извиниться перед старым приятелем... и нарвался на взрыв бешенства.

– Да я из-за твоей идиотской конвертации на грани банкротства! Слава Богу, скинул эти проклятые «баксы» и вернул банку кредит! Чуть по миру меня не пустил, барыга хренов!

Перовский обмер:

– Ты что, Саша, телевизор не смотришь?!

И снова получил в ответ шквал злобы и обиды.

– Я тебя понял, Саша, – поджал губы Перовский. – Ты пока передохни, а главное, посмотри ОРТ – пожалуйста! Там как раз про тебя говорят. А потом, если совести хватит, позвони – продолжим.

Больше ему Батраков не звонил. Вплоть до этого дня.

* * *

Связь оборвалась, и Батраков схватился за сердце, с такой ясностью встала перед ним картина его морального поражения – тогда, в 1998-м, включив ОРТ, он поначалу еще больше разозлился, так как подумал, что не успеет вернуть свои рубли из-за какого-то там «дефолта». А когда до него дошел весь ужас положения, Батраков выскочил из кабинета и закричал на секретаря:

– Где главбух?! Где моя машина?!

– Они уехали в банк... уже два часа как... – залепетала испуганная секретарша.

– Догнать!!! Остановить!!! Уволю!!! Всех уволю!!!

Некоторое время Батраков метался по приемной, пугая воплями проходящих мимо кабинета работников НИИ, а затем в бессилии рухнул на кожаный диван и, закрыв голову руками, в отчаянии замотал ею из стороны в сторону.

– Александр Иванович, может, чайку? – попыталась хоть как-то разрядить обстановку секретарша.

Но шеф лишь угрюмо молчал и продолжал качать головой, словно китайский болванчик. А потом дверь приемной распахнулась, и в нее стремительно ворвалась главбух:

– Александр Иванович, что за безобразие! Мало того, что ваш водитель Игорь никак не мог выехать из гаража. То ему помыться, то ему заправиться надо. А потом еще на дороге гвоздь поймал и битый час менял колесо!

Батраков медленно поднял голову.

– Приехали в банк за полчаса до обеда, – размахивала руками главбух, – а они перед самым нашим носом закрылись! Говорят, по техническим причинам операции приостановлены. Бред какой-то! Творят что хотят!

– И что дальше? – глотнул Батраков.

Главбух с виноватым видом развела руками:

– Не сдали мы платежки... Может, вы позвоните председателю? Пусть примут сегодняшним днем. А? Александр Иванович?

Батраков тяжело поднялся с дивана, прижал главбуха к себе, с чувством расцеловал ее в обе щеки и протянул руку:

– А ну давай эти платежки сюда! Быстро!

Принял и на глазах ошеломленной бухгалтерши порвал их в мелкие клочки.

* * *

У Батракова так и не хватило духу извиниться перед Перовским, и их отношения были разрушены. Впрочем, не только с ним. Благодаря выданному накануне кризиса кредиту банк оказался на грани банкротства. Председатель банка кинулся уговаривать директора НИИ вернуть заемные средства – хотя бы с индексацией по среднему курсу рубля, но Батраков стоял на своем, и дело дошло до судебной тяжбы.

И вот здесь директор совершил вторую ошибку: предоставил вести все дела в суде заводским юристам. И – проиграл. Тяжба перешла во вторую инстанцию, и сообщение о вторично проигранном процессе застало Батракова в Москве.

Александр Ивановичу как раз предстояло вести переговоры по заказам для крупного немецкого концерна электробытовых приборов, и он оформлял первый свой заграничный паспорт для первой поездки за рубеж. Понятно, что известие о проигранном процессе заставило его нервничать, нужные бумаги все время терялись, и, если бы не помощь Андрея Андреевича Павлова, неизвестно, сумел бы Батраков увидеть заветную «краснокожую паспортину».

Выручивший его Павлов, давний знакомый Батракова, работал начальником одного из управлений МИДа. Увидев расстроенного директора НИИ, Андрей Андреевич не только помог ему с документами, но и, дипломат по службе и в жизни, пригласил Батракова в открывшийся в Подмоскovie ресторан «Царская охота», где как раз недавно отобедали Ельцин и Жак Ширак. Там, за бутылочкой фирменной клюквенной настойки, давно уже не говоривший ни с кем по душам Батраков растаял, рассказал все как есть и увидел, на удивление, конструктивную и даже оптимистичную реакцию.

– У вас нет повода для расстройства, – сдержанно улыбнулся Андрей Андреевич, – у вас есть повод предпринять шаги по защите.

Батраков оторопел, а Павлов уверенно порекомендовал заключить договор на защиту со своим сыном, к тому времени уже известным благодаря выигранным громким делам и регулярным выступлениям на телевидении адвокатом.

Батраков еще долго недоуменно хмыкал, вспоминая этот разговор. Павлов-старший так и сказал: «Рекомендую», словно речь шла не о родном сыне, а каком-то рядовом сотруднике. Однако рекомендация себя оправдала, и теперь Батраков просто не видел, к кому еще, кроме Павлова-младшего, можно обратиться.

Александр Иванович вздохнул. Положа руку на сердце этот не по возрасту самоуверенный адвокат изрядно его раздражал – и скоротечностью консультаций, и нежеланием подробно объяснять, что и зачем делается, а главное, незаслуженно легким успехом. Проблему, с которой заводские юристы не могли справиться многие недели – сколько бы их Батраков ни дрючил, – Павлов решил за часы. Но когда Александр Иванович – кстати, очень тактично – потребовал отчета, адвокат лишь усмехнулся:

– Вам, Александр Иванович, няня Арина Родионовна нужна, чтобы сказки о проделанной работе рассказывать, или результат?

Эта ироничная фраза обидела Батракова даже больше, чем подозрительно быстрый выигрыш Павлова-младшего в суде. Но ему нужен был результат, теперь даже больше, чем тогда. И значит, следовало наступить своей гордыне на горло и звонить – прямо сейчас.

Александр Иванович с тоскою глянул в сторону НИИ, где так и лежала его визитница, и с трудом, по памяти дозвонился до Павлова-старшего, уже много лет разводящего пчел в далеком Подмосковье.

– Да, – подтвердил Андрей Андреевич, – Артем по-прежнему практикует.

– И где он сейчас?

– Ой, ну я не знаю, где-то в отъезде, – хмыкнул отец адвоката, – то ли в Лондоне, то ли в Париже... вы лучше сами ему позвоните, телефон я дам.

Батраков старательно записал номер мобильного телефона адвоката, который, как оказалось, не менялся уже более десяти лет, и, собравшись с духом, набрал цифру за цифрой.

Рейдеры

Приятной мелодией зазвенел мобильный телефон, и Павлов, извинившись перед Вольдемаром, ответил:

– Да... Александр Иванович? Конечно, узнал. А по порядку можно?

Вольдемар тактично отвел глаза и некоторое время рассматривал виды на Тюильри, а когда разговор закончился, увидел перед собой совсем другого Артема – собранного и деловитого.

– Вы спрашивали, когда я собираюсь в Россию, – напомнил Павлов, – теперь я это знаю совершенно точно: сегодня.

– А как же Барбизон и Фонтенбло? – опешил Вольдемар. – У вас же впереди два выходных, насколько я помню. Почему не провести их в Париже?

По лицу Артема пробежала тень.

– Мой клиент стал жертвой рейдеров, – сосредоточенно произнес он, – так что эти два дня могут оказаться решающими.

– Рейдеры? – удивленно вскинул брови Вольдемар. – Это ведь что-то из военно-морского дела?

Павлов кивнул:

– Так называли мобильный военный корабль в английском флоте, в одиночку нападавший на суда испанцев.

– А при чем здесь ваши бизнесмены? – удивленно спросил его собеседник.

– Так они себя называют, – развел руками Павлов. – Хотя на самом деле они скорее пираты. Их профессия – захват чужой собственности. Естественно, путем обмана. И таких рейдеров у нас, увы, становится все больше.

– Как такое возможно? – опешил парижанин.

– Несовершенство законов и коррумпированность правоохранительных органов – вот причина всего... – нехотя пояснил Павлов, – и, уверяю вас, этого вполне достаточно.

– А я собирался прикупить в Москве кое-какую недвижимость, – растерянно сказал француз. – Неужели все так серьезно?

– Почти каждый день что-нибудь захватывают, – подтвердил опасения собеседника Артем, – так что это уже явление. И оно принимает массовый характер.

Вольдемар потрясенно замер, а Павлов стремительно перебрал в памяти все, что знал о Тригорском НИИ. Захват такого крупного предприятия наверняка потребовал немалых усилий.

«И кто мог на это решиться?»

Пока ответа не было, но, кто бы ни провел этот рейд, он подготовился основательно и наверняка был не последней картой в пухлой рейдерской колоде.

* * *

Спирский улыбался. Там, за окном, наконец-то стало ясно, кто есть кто. Прямо в центр шумной компании пернатых ворвался крупный самец. Грозно заверещал, раз-два клюнул в головы самых дерзких, и перепуганные сородичи разлетелись в стороны. Нечто подобное происходило и при переделах собственности, – Петр Петрович видел это многократно, хотя сам предпочитал побеждать не массой, а умом.

Именно потому, что был он достаточно умен, Спирский принципиально не работал в Москве, где все, по его сведениям, было поделено между «Мосбилдингом» и «Вольтой».

Вольтовцы славились нахрапистым стилем и поразительной всеядностью, а их босс, Марк Фрид, «Рейдер № 1» в негласном табеле рейтингов коллег, действовал без устали и без разбору. Вольтовцы давно уже вели масштабную войну как в Москве, так и в регионах: отбирали аптеки и рестораны, винные заводы и торговые марки, конструкторские бюро и шоколадные фабрики. Это было несложно, поскольку Фрид опирался на своих друзей и сокурсников, занимавших кресла в Правительстве, высших судебных инстанциях и даже в Управлении делами Президента.

Дружеская поддержка была настолько мощной, что даже обеспечила Фриду присутствие Главного Босса на подписании контракта между «Вольтой» и концерном «Шелл»! Ясно, что Фрид ради гарантии высшего лица без колебаний раскошелится на лишний миллиард в пользу государства. Последние два года вольтовцы вели жесткую затяжную борьбу с министром коммуникаций Рейнгольдом за компанию «Мультифон».

«Мосбилдинг» же, построивший свой бизнес на захватах трамвайных депо, таксомоторных парков и детских садилов, опирался на московских «мэрцев», отладивших бесперебойную систему поглощения городских объектов «своим» рейдером. Именно «мэрцы» регулярно давали «билдам», как звали «Мосбилдинг» партнеры и конкуренты, наводки на тот или иной хозяйственный комплекс, остающийся без надлежащего присмотра. Наводки, а особенно результаты конкурсов, аукционов и проведенных сделок, щедро вознаграждались через сложную систему фирм-однодневок, созданных исключительно для того, чтобы отмыть для очередного столичного управленца приличную сумму денег. И, само собой, ведущие идеологи и руководители «билдов» предусмотрительно обзавелись иммунитетом, купив себе кресла депутатов и сенаторов.

Спирский, прекрасно понимая, что в столице неизбежно придется столкнуться с этими двумя мощными силами (остальные в расчет не принимались), всю свою деятельность сосредоточил на регионах, где все еще активно стреляли, а вот умело «поглощать» так и не научились.

Петр Петрович улыбнулся и глянул на стену: там в изящной рамке красовалась бумага, подтверждающая его права на магазин «Ромашка». Это был его первый рейд и единственный захват, произведенный в Москве. Но главное – Спирский был в этом совершенно уверен и очень этим гордился, – захват «Ромашки» стал самым первым, официально оформленным и зафиксированным в России рейдом.

Прозвенел телефон, и Петр Петрович поднял трубку:

– Да.

Это снова был Колесов:

– НИИ – наш. Менты уехали, Батраков – на улице.

– В цехах кто-то остался?

– Да. В ремонтно-механическом одна бригада в ночь. Говорят, срочный заказ. Я приказал их не трогать.

Спирский удовлетворенно кивнул: пусть видят, что пришел настоящий хозяин.

– Правда, Пахомов из спецчасти так и не вышел, – продолжал отчитываться Колесов, – но я думаю...

– Что с бухгалтерией? – оборвал его Спирский. – В компьютеры вошли без проблем?

– Все нормально. Они даже пароль не сменили.

Петр Петрович рассмеялся. Он давно купил несколько серых человечков – и в бухгалтерии, и даже в юридическом отделе, а потому все компьютерные пароли знал.

– Значит, реестр уже у меня?

– Да, Петр Петрович. У вас.

Продолжая слушать отчет Колесова, Спирский взял со стола фломастер и поставил в списке две жирные галочки – в строчках «п. 15. Батраков» и «п. 16. Реестр».

Захват реестра акционеров имел огромное значение. Это настолько желанная для рейдера добыча, что часто при невозможности захватить ее наиболее дерзкие захватчики просто создают параллельный, подложный реестр. Получают по нему решение суда, проводят физический захват, затем правят захваченные документы, а сделавший свое дело фальшивый реестр уничтожают – так же, как «убирают» наемного киллера, отстрелявшего свои заказы.

Петр Спирский и созданная им рейдерская компания «МАМБа» не брезговали ни подделками, ни кражами реестров, однако в случае с НИИ «Микроточмаш» этого даже не понадобилось. Батраков, будучи экономным, а точнее, скупым, считал затраты на ведение реестра на стороне, в отдельной компании лишними, а поэтому реестр акционеров НИИ велся здесь же, на предприятии. Собственно, это был один-единственный компьютерный файл, где в алфавитном порядке были перечислены все акционеры. И теперь один из важнейших для захвата документов был в руках у Спирского.

Петр Петрович глянул в окно. Крупный самец ухватил червяка поперек тела и почти без усилий взлетел на ветку. И возмущенные сородичи ничего с этим не могли поделать.

«Ну что ж, – глянул Спирский на часы, – пора и мне в Тригорске показаться...»

Скорая юридическая...

Бросать Париж сейчас, в самом начале двух законных выходных, было досадно. Артем очень рассчитывал насладиться поездкой в «Мекку импрессионистов» – Барбизон, а затем прогуляться в спокойном философском одиночестве по аллеям Фонтенбло. А вместо этого приходилось возвращаться в Россию, да еще ввязываться в «хозяйственное дело» с неоднозначными перспективами. Тем более что речь, видимо, пойдет об очередном «субботнике» в пользу одного из многочисленных отцовских товарищей и соратников. Но клиент есть клиент, и Артем вылетел в Москву ближайшим рейсом, а работать над новым делом начал уже в аэропорту. До этого дня ему удавалось в Тригорске все – даже одержать победу в дважды проигранной Батраковым тяжбе с банком.

Правовая ситуация, которую создал кризис 1998 года, была беспрецедентной – такого в юридической практике страны просто еще не случалось. И Павлов сумел сделать главное: разработать безукоризненную правовую позицию и заручиться экспертными заключениями лучших цивилистов и ученых-юристов России.

Поскольку в схожей с Тригорским банком ситуации оказалась вся банковская сфера страны, итог был предсказуем. Павлов легко выиграл дело в Высшем арбитражном суде, мгновенно прекратившим тяжбу во избежание создания опасного прецедента.

Разумеется, Артем видел, что раздражает Батракова. Привыкший командовать всеми вокруг, директор так и не увидел разницы между крупным российским юристом и своим техническим персоналом. Но главное, Батраков просто не успевал понять, что именно происходит, и это для сильного номенклатурного работника было настоящим унижением.

Позже Артем еще раз помог своему клиенту – в нешуточном конфликте Батракова с собственным замом по безопасности. У директора имелись все основания считать Колесова замешанным в крупном хищении, но остро не хватало других оснований – для увольнения заслуженного спецназовца и ветерана нескольких военных кампаний.

Павлов тогда был по горло занят громкой тяжбой между двумя публично поссорившимися министрами, а потому он просто выложил перед Батраковым набор документов с нужными формулировками.

– Начинайте действовать по этому алгоритму, и ваш Колесов уволится, – гарантировал он.

Однако, поняв, что Александр Иванович алгоритма не усвоит, он аккуратно, простым языком, буквально по шагам расписал всю последовательность действий отдела кадров.

Артем видел, сколь неудовлетворенным вышел из его офиса Батраков, но, разумеется, едва «павловская схема» заработала, Колесов уволится – почти мгновенно. Однако то, что предстояло сделать Павлову теперь, было на порядок сложнее.

Особист

Колесов возвратился к блокированной спецчасти, лишь когда убедился, что вся оставшаяся территория НИИ под его контролем. Подал знак «клещам», чтобы не шумели, и осторожно заглянул в настежь распахнутую дверь.

В этой первой комнате небольших размеров, без окон, была оружейка. Пустые шкафы, в которых еще вчера хранились пистолеты охраны, валялись на полу, деревянный стол был перевернут, у стены рядом с дверью лежали обломки табуретки, которую в драке разнесли о чью-то голову, скорее всего, того, лежащего в коридоре «клеща». Стены кое-где были выщерблены пулями, но Колесов был уверен: Пахомов вовсе не собирался кого-либо убивать и просто палил в разные стороны, чтобы ввести нападающих в замешательство.

«Что ему и удалось...» – с «непатриотичным» удовлетворением подумал Колесов; он отдавал должное бывшему коллеге.

Теперь особист сидел за железной дверью примыкающей к оружейке спецчасти – чуть в стороне – и контролировал через выбитый «глазок» все подходы. Колесов еще раз осторожно заглянул в комнату.

– Эй, Пахомов! Санек! Это я – Колесов Сергей. Слышишь меня?

– Вот так сюрприз! – тут же отозвался Пахомов. – Здорово, майор. Ты-то какими судьбами здесь оказался? Тебя вроде еще год назад Батраков из НИИ выгнал.

– Ага, – легко подтвердил Колесов, – тогда он – меня, а сегодня я – его. Сменилась власть, Санек... окончательно сменилась.

– Жаль Батракова, – глухо произнес Пахомов из-за железной двери, – хороший мужик... о людях думал. Таких сейчас мало осталось.

– Ага, – снова охотно подтвердил отставной майор, – этот хороший мужик скупил со своими родичами все акции по дешевке. А меня, нормального работника, на улицу выгнал.

– Так ты, говорят, воровал у него.

– Знаешь, Санек, – усмехнулся Колесов, – это сейчас по-разному называть можно. А на зарплату, которую он мне платил, можно было только с голоду не сдохнуть. Ну да хрен с ним, мы-то с тобой всегда договоримся. Мы люди простые, оба из служивых, оба за речкой бывали. Так что нам делить нечего, и интересы у нас одни и те же...

– Нет, майор, мои интересы важнее, – глухо возразил Пахомов.

– Это еще почему? – удивленно спросил Колесов.

– Ты теперь барыгам служишь. А я – государству... Родине.

Колесов заиграл желваками.

– Знаешь, Санек... я как-то с минометным взводом одну высотку занимал. Так я там почти неделю со сломанной рацией сидел, и ни одна сволочь о нас не вспомнила. Вот она – твоя Родина. Если б с духами не договорился, там бы и остался...

За железной дверью послышался шелест. Пахомов определенно менял позицию.

– А у меня за два дня до выхода полразведгруппы полегло, – отозвался наконец он, – и если бы помощь не подошла...

Колесов жестом подозвал самого молодого «клеща».

– Подвал найдешь? – шепотом спросил он.

Тот кивнул.

– Дуй вниз и перекрой стояк с водой.

Штурмовик тихо, почти на цыпочках двинулся по коридору.

– Значит, разная у нас Родина, Санек. Разная... – еле слышно пробормотал Колесов.

Оплата его труда прямо зависела от «чистоты» захвата, и, учитывая, что именно в спецчасти хранились наиболее интересные с коммерческой точки зрения документы, Колесов мог не досчитаться чуть ли не трети премиальных.

«Вызвать ментов?» – мелькнула мысль, но от нее тут же пришлось отказаться.

С юридической точки зрения Пахомов удерживал спецчасть совершенно незаконно. Однако приглашать милицию было неосмотрительно. Батраков имел в этом городе немалые связи и вполне мог договориться с милицией и под предлогом захвата пьяного вооруженного особиста силой вернуть НИИ под свой контроль.

К отставному майору так же, на цыпочках, подошел боец «КЛЕЩа».

– Перекрыл... – тихонько доложил он.

Колесов кивнул. Без воды, еды и туалета сдача Пахомова была вопросом пары суток. И к понедельнику, когда Батраков притащит в НИИ местных чинов из самых важных органов, а он их наверняка притащит, особист, скорее всего, уже сдастся.

«А может быть, и не сдастся...» – возникла ненужная, в общем-то, мысль, и прогнать ее уже не удавалось.

Белое-черное

Петр Петрович выехал в Тригорск с железной убежденностью: все пройдет как по нотам. Он твердо знал: каждый торговый человек в душе был, есть и останется лоточником – жадноватым и недалёковидным. Приступая к очередной осаде, он каждый раз делал один и тот же вывод: жертва скорее попытается проглотить весь свой скарб с риском подавиться, чем наймет хорошего адвоката для построения действительно надежной защиты. И, само собой, – как черепаха без панциря или еж без иголок – их раскормленные розовые тушки представляли собой исключительно лакомую добычу для поднаторевших в разбое хищников.

Кое-кто из них чувствовал опасность, а некоторые даже знали, кто именно из конкурентов «заказал» поглощение их бизнеса рейдерам. Но, не готовые платить за качественную адвокатскую работу, далекие от понимания значения профессионализма и репутации, его будущие жертвы чаще всего прибегали к услугам разного рода ходатаев, сводников и посредников, легко обещающих «разрулить, отмазать и закрыть» любой вопрос.

Естественно, никаких проблем эти ребята не решали, а, скорее, наоборот, запутывали – даже самые простые ситуации. Но главное, очень многие из них просто сливали всю информацию конкурентам и... Петру Петровичу. Каждый такой слив щедро оплачивался, и ни уличить, ни обвинить подобного «ходатая» было невозможно. Адвокатской присяги никто из них не давал, кодекса профессиональной этики никогда не имел, а из всех «добродетелей» эти сводники признавали лишь самую простую – деньги. И когда жертва окончательно запутывалась, к ней приходил... Петр Петрович Спирский.

По мере необходимости Петр Петрович использовал оба своих лица, но более всего он любил образ Белого Рыцаря-Спасителя. Приходил, предлагал помощь – почитай, бесплатно, и жадноватые лавочники почти неизменно клевали, и вскоре Петя отбирал их магазины, центры и моллы – безо всякого труда. И только к тем, кто отваживался бороться, Петр Петрович приходил в своей второй ипостаси – Черного Рыцаря-Разрушителя.

Понятно, что кое-кто уже начал понимать, что происходит. По крайней мере, на сайте «компромат.ру» описания его рейдов появлялись регулярно. Однако, прочитав призыв одного журналиста защищаться от рейдеров организацией надежной юридической обороны, Спирский лишь поморщился. Опытный рейдер, он знал, что зажимающие каждую копейку лавочники просто не в состоянии пойти на такие жертвы.

Более того, Петр Петрович считал журналиста неправым в принципе. Уж он-то знал, что рейдерство, – во-первых, чрезвычайно полезный, во-вторых, стабильный и, в-третьих, долговечный бизнес. Потому что, пока есть спрос, будет и предложение, а спрос на рейдерские услуги был отличный: Пете охотно заказывали захваты ювелирных компаний, автосалонов и даже магазинов женского белья.

Тригорское дело обещало завершиться абсолютно стандартно. Пару месяцев назад Петр Петрович при «случайной» встрече прямо предупредил Батракова, что положение его НИИ неустойчиво, и предложил за его акции хорошую, реальную цену. Но «красный директор» оказался на редкость упрямым и самонадеянным типом. Не зная, что Черный Рыцарь-Разрушитель уже вонзил свое копьё в тело «Микроточмаша», не оценив предложений Белого Рыцаря-Спасителя и, похоже, даже не поняв, кто, почему и зачем ему предложил «помощь», Батраков избрал путь обреченного на унижение, разорение и осмеяние.

Лишний

Александр Иванович Батраков так и бродил вокруг недоступного теперь НИИ «Микрочмаш», набирая номер за номером и обзванивая всех, кто хоть как-то мог помочь. Он лишился всего и сразу, и даже оба его новеньких служебных «Мерседеса» остались там, за оградой, почти в прошлой жизни. А потом на город упала темнота, и он забрался в переполненный дачниками автобус и впервые за много-много лет поехал домой, держась за поручни.

Происшедшее казалось ему невозможным. Батраков и в советские времена слыл крепким хозяйственником. Он одним из первых внедрил систему хозрасчета, и даже Горбачев, приехав с рабочим визитом в Тригорск осенью 1989 года, признал опыт Батракова передовым и подлежащим распространению по всей стране.

Михаил Сергеевич долго рассказывал партактиву Тригорска про квартиры к 2000 году и всеобщую перестройку страны. И хотя ничего из его обещаний так и не сбылось, Батраков запомнил Горбачева о-очень убедительным. Он до сих пор относился к первому президенту СССР неплохо и уж точно лучше, чем к Ельцину, который так и не нашел возможности посетить НИИ, а главное, ни разу не принял Батракова, сколько Александр Иванович ни записывался к нему на прием.

А в конце 90-х страну охватил кризис неплатежей и нехватки наличности, и начались трудные времена. Батраков тогда чуть не растерял своих лучших специалистов и, проклиная перестройку, порой доплачивал им едва ли не из собственного кармана.

Он сыпал проклятия до тех пор, пока не встретил своего близкого друга по институту Анатолия Перовского, занимавшего в ту пору пост руководителя машиностроительного завода. Они зашли в кооперативное кафе, выпили на двоих бутылочку «Московской», и Перовский объяснил, что все идет просто превосходно.

– Ваучеризация – это замечательная идея, – толковал он, – и если есть что приватизировать – а у тебя это есть, – можно стать настоящим капиталистом!

Институтский приятель знал, что говорил. Как раз в то время он занимался приватизацией дышавшего на ладан огромного издательского объединения.

– Хочешь стать «мистером Твистером»? – неловко улыбался в ответ Батраков.

– А почему бы и нет? – подлил водочки приятель. – Завод у меня уже есть, газеты будут... дело за парходом.

Перовский сказал это настолько серьезно, что Батраков задумался. Он видел, что времена государственного владения проходят, и, скорее всего, безвозвратно. И тогда Александр Иванович Батраков, красный директор, член партии с 60-го года, примерный семьянин и образцовый общественник, первый раз в своей жизни решился на рискованный шаг. Посчитал наличность, снял со сберкнижки сбережения, вытащил из-под линолеума отложенные на черный день доллары, выпотрошил ящики письменного стола и на все деньги купил ваучеры.

Понятно, что проверить такую операцию в одиночку было невозможно, и к закупкам пришлось подключать всех, даже самых дальних родичей. Цены росли и падали в зависимости от сообщений программы «Время». Так что, когда деятель, пообещавший за 300 дней превратить Россию в Эльдorado, выступил в студии ОРТ и объяснил, что обладатель ваучера владеет частью страны, сосед Батракова, дебошир и алкоголик, вообще отказался продавать ваучеры своей жены и ее сестры – хоть за какие деньги. Хотя свой приватизационный чек к тому времени уже променял на бутылку спирта «Роял». Но приватизация шла полным ходом, ваучеры скупались, менялись, крались, собирались, отбирались, вкладывались, и вскоре одни стали еще богаче, а другие еще беднее.

Батракову посчастливилось набрать рекордное (он понятия не имел, каким числом ваучеров ворочали в то время Йордан, Кох, Авен и иже с ними) число ваучеров, и он

довольно быстро договорился со сговорчивыми и поделил владение АОЗТ «НИИ Микроточ-маш» с несговорчивыми. Так в Тригорске и появилось новое частное предприятие, а Батраков медленно, но верно стал «учиться капитализму».

Более всего ему помогал Перовский. Институтский приятель то отыскивал несколько вагонов японской видеоаппаратуры по бросовым ценам, то предлагал взять партию детских колясок и тут же находил контрагентов, готовых перекупить товар. А незадолго до дефолта Анатолий Михайлович затащил Александра Ивановича на таможенный склад.

– Вот где настоящий Клондайк, – Перовский широким жестом обвел десятки застрявших на таможен большегрузных машин, прибывших из Европы, Турции и даже Китая, – и кое-что скоро будет нашим.

Так оно и оказалось. Уже через неделю они закупили здесь партию куриных окорочков, конфискованных у какого-то липового получателя, не имевшего даже расчетного счета для уплаты формальных таможенных платежей.

Разгружать этот «куриный караван» из двадцати двух фур было категорически некуда, и начальник таможенного поста уже с ужасом представлял, как будет пахнуть его не оборудованный рефрижераторами склад через неделю после выгрузки. Так что Перовский, предложивший забрать товар за символическую плату, выглядел в глазах обеспокоенного таможенника настоящим спасителем.

Двадцать два большегрузных фургона куриных ножек были рассредоточены по районным рынкам и магазинам за один день. И хотя сама идея торговли – хотя бы и оптовой – какими-то «ножками Буша» остро претила сознанию директора крупного НИИ, полученная от этой операции прибыль возместила все моральные издержки.

Так и пошло. Каждая новая операция оборачивалась для бывшего «красного директора» утратой очередных принципов и – отчасти благодаря этому – приносила прибыль. Понятно, что вскоре Батраков растерял не только половину принципов, но и все отношения с родней. И дело было даже не в том, что Александр Иванович так и не накрыл, как обещал, праздничный стол для всех, кто помогал ему собирать ваучеры. Директор совершенно точно знал: они ему просто завидовали.

– Теперь у них будет повод позлорадствовать, – пробормотал Батраков и вышел из автобуса.

И едва Александр Иванович ступил на никогда им прежде не виденную «свою» остановку, его вдруг посетила безумная идея. Ему на секунду показалось, что на самом деле все произошло строго по законам этой новой жизни. Что кто-то неведомый точно так же, как он сам ранее, просто отодвинул свои принципы в сторону, чтобы получить прибыль. Вот только в роли «конфискованной партии окорочков» сегодня выступало его собственное НИИ – дело, на которое Александр Иванович Батраков положил всю свою жизнь.

Артем

Все время полета до Москвы Павлов перебирал в памяти все, что знал о НИИ. У этого крупного предприятия было множество слабых мест: скуповатый, консервативный Батраков сэкономил даже на самом главном – юридическом обосновании своих прав.

Артем вздохнул. Принадлежащий тому же поколению его отец тоже был консервативен, но – боже! – как же не походил он, и взглядами, и судьбой, на самонадеянного бывшего «красного директора» Батракова.

Папа вышел в отставку из МИДа, которому отдал более сорока лет, много лет назад и так и не смог примириться с новыми выдвиженцами, исповедовавшими космополитизм и приверженность западным идеалам. Державшийся крайне консервативных и патриотических взглядов, отец всю жизнь верил в светлое коммунистическое будущее и был очень обижен на Горбачева и Ельцина за развал могучего Союзного государства. Исторически ничем не оправданный распад СССР Андрей Андреевич принимал, пожалуй, даже ближе к сердцу, чем потерю кого-либо из близких.

Прошедший через четырехлетний ад фашистского концлагеря в раннем детстве, потерявший отца еще в младенчестве и похоронивший мать в 20 лет, Андрей Андреевич вырос сильным, мужественным, неэмоциональным и очень строгим – и к себе, и ко всем, кто с ним общался. Он не делал различия между детьми, женой, коллегами, просто встреченными случайными гражданами. Со всех, но прежде всего с себя самого, он требовал по самой высокой ставке. И если человек его подводил, Андрей Андреевич навсегда вычеркивал его из своих невидимых «списков».

Впрочем, окружающие, в том числе и «вычеркнутые», об этом никак не догадывались. Дипломат в жизни и на работе, отец продолжал здороваться и даже сдержанно улыбаться, хотя широкой улыбки Павлова Старшего, в отличие от Младшего, никто никогда не видел.

«Fasten your belts, please...» – ласково попросила стюардесса, и Артем дисциплинированно пристегнул ремни. Самолет шел на посадку, а его снова начала грызть совесть, и особенно он переживал за матушку.

Василиса Георгиевна, педагог, доктор наук, всю сознательную жизнь преподававшая политэкономии, обществоведение и философию, в конце 90-х обратилась к Богу и вскоре приняла крещение. Этого никто не ожидал, и, понятно, что тут же возникли разногласия с мужем. Лишь спустя пять лет отцу удалось совладать со своим характером. Крещенный с рождения, но выросший атеистом, он лишь постепенно, вместе с женой стал посещать воскресные и праздничные службы и даже исповедоваться и причащаться Святых Христовых Тайн.

Матушка же в своем искреннем порыве пошла еще дальше и действительно начала новую жизнь: в 64 года закончила православный Святотихоновский институт при Московской патриархии, получила диплом богослова-катехизатора и теперь с удовольствием преподавала в сельской церковноприходской школе. А на все лето уезжала в Ровно, на Западную Украину, где ее ждали тридцать прекрасных монашек под руководством игуменьи Свято-Никольского Городокского женского монастыря матери-настоятельницы Михайлы.

Артем, познакомившись несколько лет назад с матушкой Михайлой, поразился той легкости и жизнерадостности, которая буквально излучалась совершенно волшебным образом от игуменьи и ее подопечных. Они постоянно шутили, смеялись, радовались жизни и каждому маленькому, незаметному для суетных мирян событию. Вот божья коровка прилетела, а вот красивый цветочек распустился, а как поет эта птица в березовой роще. При этом все монашки очень четко несли свою службу и беспрекословно выполняли свои обязанности и поручения настоятельницы.

Артем знал, что матушка Михаила втайне уговаривала Василису Георгиевну Павлову остаться с ними, но мама пока лишь отшучивалась. Возможно, считала себя не готовой, а может быть, просто ждала исполнения судьбы. Ибо вряд ли что-то удержит ее от этого шага, когда Господь призовет к себе Андрея Андреевича. А пока преподавала детишкам и находила в этом и радость, и Божий промысел.

Артем очень любил родителей, а уж к маминым занятиям относился с особым трепетом. Ее поездки в сложный западный край Украины, где нет-нет да и вспыхивали антирусские и антиправославные выступления националистов и униатов, требовали настоящей самоотверженности. Он тоже старался помочь, чем мог, веселым жизнерадостным монашкам, противостоящим Златому Тельцу, Мамоне и Гордыне всей своей жизнью. И, что самое странное, Артем, человек абсолютно светский, в чем-то главном видел в них союзниц.

Предпродажная подготовка

Петр Петрович Спирский мчался по ночной трассе в Тригорск так же, как и работал, – быстро и аккуратно.

«Черный Рыцарь... Белый Рыцарь... – словно заговор повторял он. – Да, да, я и тот и другой...»

Петр Петрович знал, что не производит на людей особого впечатления – ни при первой встрече, ни при второй, – мешали его природная рыхлость, вкрадчивый голос и несколько женственные манеры. Спирский долго думал, откуда это в нем, и пришел к выводу, что все дело в том, что был он выпестован в «неполной семье», где основные заботы по воспитанию были возложены на бабушку и прабабушку. Понятно, что Петенька рос мнительным, болезненным и уже тогда рыхловатым мальчиком.

Учился он плохо – опять-таки потому, что часто болел и слишком рано понял выгоды такого своего положения. Стоило Петеньке кашлянуть, и мамки-няньки-бабки немедленно вызывали частного профессора педиатрии – вальяжного и упитанного. Айболит, как мысленно называл Петя профессора, тоже был человек смекалистый, а поэтому с удовольствием приходил к мнимому больному, неизменно получая в награду червонец, домашний ужин и стопку «Московской».

«Сволочь...» – подумал Петр Петрович.

Он, обладавший отменной природной интуицией, прекрасно видел всю фальшь и плохую игру Айболита, способного часами – под дымящийся борщ и закуски – вдохновенно разглагольствовать о том, что государство никогда не сможет воспитать и обучить семейного врача, а тем более заменить его участковым-многостаночником. Однако женщины слушали эти рискованно вольнодумные рассуждения с благоговением, может, потому, что мужчин в семье Спирских, кроме Петеньки, не было.

Да, «дядя Леня» в дом приходил, – именно из его кармана были те самые бесценные червонцы, что мгновенно перекачевывали в карман Айболита, – но признавать себя отцом Петеньки Краснов не собирался. Для растущего судейского чина, к тому же партийного, признать две семьи означало поставить крест на карьере. А расплачивался за этот семейный тупик его внебрачный сын.

Петр Петрович стиснул зубы. Счастливее его были даже те, чьи отцы почти не выходили из мест заключения, потому что, когда они все-таки выходили – пусть и на пару недель, – каждый малыш во дворе знал, чей папаня самый крутой. И оставалось Пете только одно утешение – книги и мечты.

Он перечитал все рыцарские романы из огромной семейной библиотеки и не мог оторваться от книг даже ночью. Конечно, и мама с тетей, и бабушка очень переживали, что «мальчик не выспится», и просили его идти в кроватку. Петя делал вид, что послушался, и закрывал книгу. А после дежурных поцелуев всех населявших квартиру женщин дверь в детскую наконец-то затворялась, а Петя доставал фонарик и накрывался одеялом с головой.

Он видел себя то Ланселотом, то рыцарем Айвенго и довел себя в ночных бдениях едва ли не до галлюцинаций. А однажды произошло нечто такое, что и поныне не поддавалось объяснению, – к Петру явился Рыцарь.

Петр Петрович поехал. Он до сих пор помнил все: и то, как повеяло холодом, и то, как тяжело – до хруста – давили на паркет хрущевской «двушки» копыта нагруженного броней боевого коня. Более всего Петю поразили зеркальный щит, может быть, потому, что именно от него отразился луч его выставленного перед собой для защиты фонарика.

– Ты кто? – спросил Петя голосом, охрипшим от реальной и очень тяжелой простуды.

– Я тот, кто победил Артура, – спокойно ответил Рыцарь, – и я пришел за тобой.

Он протянул копьё, легонько ткнул Петю в запястье, и наутро именно на этом месте обнаружился вычурный, ни на что более не похожий разрез – копьё, обвитое змеей.

– А что? – сказал себе как-то повзрослевший Спирский. – Нормальный стигмат. Вот она – сила детской веры.

Но куда как больше сила его детской веры ждала иного – признания. Спирский видел себя отвергнутым принцем, тайным рыцарем, истинным Красновым, терпеливо ждущим своего часа послужить Родине и лично товарищу Л. И. Брежневу. Ведь лишь потому, что и между рыцарями случаются раздоры, папа и не может признать сына – из разумной осторожности. Но Петя верил: его час наступит, и когда-нибудь сам Леонид Ильич наградит его Звездой Героя, а отец попросит прощения, прижмет к сердцу и признает – перед всеми.

Впереди показались огни неспящего НИИ «Микроточмаш», и Петр Петрович вывернул руль и плавно подкатил к крыльцу конторы, выскочил из машины, хлопнул дверцей и стремительно взбежал по ступенькам.

– Здравствуйте, Петр Петрович, – уважительно вытянулся блокирующий разгромленную проходную «клещ».

– Где Колесов? – на ходу бросил Спирский.

– В бухгалтерии, Петр Петрович. Я вас провожу.

Спирский молча, скупым жестом от помощи отказался. Он понял, в какой стороне находится бухгалтерия, уже на подъезде к «Микроточмашу» – по четырем светящимся окнам административного корпуса.

– Так-так... где тут у меня бухгалтерия?... – толкал он одну дверь за другой.

Петр Петрович знал, что победит, едва заполучил первый пакет акций. Собственно, для успешного рейда иногда бывает достаточно всего лишь одной акции, даже если капитал компании акционирован в миллионы акций. А как-то Пете удалось захватить крупного оператора сотовой связи всего лишь с пакетом в 0,015 % акций.

Спирский улыбнулся: зато судебную власть он использовал на все 100 %. Его помощники организовали серию исков, и три месяца кряду едва ли не все суды страны работали на него, и за его счет накладывались аресты, изымались реестры и заводились дела. Юристы тогдашней его жертвы металась по всей России, отписываясь от самых невероятных исков, поданных то недовольными качеством связи абонентами Поволжья, то Дальневосточным филиалом банка кредитора, то Питерским поставщиком какого-то незначительного оборудования. А параллельно в Москве через прикормленных прокуроров и следователей завели три уголовных дела, причем одно из них Петя умудрился завести против себя самого!

Это был гениальный ход. Тем самым Спирский совершенно развязал себе руки, ибо в рамках проверки заявления о том, что г-н Спирский незаконно пытается получить акции предприятия связи, была проведена целая серия обысков. И в результате все важнейшие финансовые документы были изъяты, а реестр акционеров был скопирован и подменен. Понятно, что уголовное дело на г-на Спирского, как водится, было вскоре закрыто за отсутствием события преступления.

Петя, любивший эффектные ходы, считал эту историю едва ли не лучшей комбинацией в своей рейдерской практике. Он даже вывесил в своем кабинете своеобразный триптих. В большую изготовленную по спецзаказу рамку под стекло вставили три листа:

1 – Заявление с требованием возбудить уголовное дело против П. П. Спирского.

2 – Постановление о возбуждении уголовного дела.

3 – Постановление о прекращении уголовного дела в связи с отсутствием события преступления.

Естественно, все три документа фактически готовились и сочинялись в недрах «МАМБЫ».

Спирский толкнул последнюю дверь, и в глаза ударил свет. Да, это была бухгалтерия НИИ «Микроточмаш».

– Петр Петрович? – поднялся из-за стола Колесов и вымученно, принужденно улыбнулся.

– Бумаги уже готовы? – не ответил на улыбку Спирский.

Колесов кивнул и показал на аккуратно разложенные на столе стопки документов.

– Все, как вы сказали.

Спирский удовлетворенно прищурился. «Предпродажная подготовка» захваченного предприятия была произведена.

Советник

Артем решал текущие московские вопросы по пути в Тригорск – по телефону.

– Держи все, что у нас есть по рейдерам, наготове, Ванюша, – предупредил он помощника, – должно пригодиться.

– Я в командировке, а вам помогут в «Стране Советов», – порекомендовал он попавшему под наезд новому клиенту, – скажете Николасу Фандорину, что от меня.

– Я знаю, что это приемная Фрида, девушка, – улыбнулся он, услышав, как старательно представляется вымуштрованная секретарша, – передайте шефу, я все сделал. Да-да, Павлов.

Однако мыслями Артем был в Тригорске. Судя по всему, Батраков эту ночь не спал вовсе, по крайней мере, первый раз директор перезвонил адвокату, едва тот вышел из аэропорта Шереметьево. Предложил организовать машину, однако Павлов предпочел выехать на своем «Ягуаре». Так что встретились они уже на въезде в Тригорск.

– Представляете! Просто бандитский налет какой-то! – сразу обрушился на него Батраков. – С дубинками! Охрану избили!

– А почему вы так поздно позвонили?! – оборвал его Павлов.

Батраков замешкался, видно, пытался сообразить, сколько часов ночи могло быть в Париже, когда он дозвонился до Павлова.

– Я имею в виду не время звонка, – уточнил Павлов и жестом пригласил директора перебраться в его машину, – а то, что вы позвонили лишь после того, как предприятие перешло под контроль других акционеров.

Батраков растерялся еще сильнее.

– Поймите меня правильно, – смягчился Павлов, – обычно в таких ситуациях исправить положение почти невозможно. Пока мы соберем контраргументы и начнем дело в суде, пройдет немало времени. За это время предприятие могут перепродать, и дело усложнится еще больше.

Директор насупился:

– Если вас беспокоит вопрос о размере вашего гонорара...

– Гонорар здесь ни при чем, – устало сказал Павлов и тронул машину с места. – Просто я не хочу давать ложных обещаний и вселять в вас необоснованные надежды.

Несколько секунд Батраков молчал, а затем заговорил снова – с такой страстью, что Артему буквально физически передавались и его боль, и его отчаяние, и его злость.

Батраков сказал все: и что ему почти 65 лет, и что сорок из них он отдал «Микроточмашу», и что именно он создал НИИ в его сегодняшнем виде. Что и у него, и у его детей и внуков есть все для нормальной безбедной жизни. Но что для него это предприятие больше, чем способ заработать, это его детище... Он не ушел, когда на крупное оборонное НИИ стало всем наплевать. Он крутился, как мог, но выстоял и доказал всем этим идиотам-реформаторам, что может не только выживать, но и развиваться...

– А что теперь? – страдальчески спросил Павлова директор. – Отдать это уникальное НИИ бандитам? Лавочникам, торгашам, придуркам, которые хотят превратить его в дешевый ларек?

Артем некоторое время ждал, а когда понял, что Батраков уже выдохся, тихо, но внятно ответил:

– Нет, Александр Иванович, они вовсе не придурки. Это вполне циничные дельцы, и, будьте уверены, они все просчитали... даже то, кому продать НИИ с максимальной прибылью для себя. И выгнать их будет ох как непросто!

Ревизор

Первым делом Петр Петрович, пустив перед собой Колесова, сходил к заблокированной «клещами» спецчасти.

– Ну что, орлы? – поинтересовался Колесов.

– Стреляет, гад, – устало отозвался старший звена. – Даже порога не переступить.

Спирский многозначительно посмотрел на нового начальника охраны НИИ.

– Выкурим, – уверенно пообещал Колесов. – Воды у него уже нет, а к утру еще и похмелье наступит. Мать родную за стакан воды продаст.

– Смотри, Колесов, – покачал головой Спирский, – если к понедельнику бумаги из спецчасти не достанешь, плакали твои премиальные.

Колесов угрюмо кивнул, а Петр Петрович развернулся и двинулся назад, в бухгалтерию. После того как он наладил отношения с понимающими людьми, его доходы существенно повысились, и первым удачным опытом был один из маленьких лакокрасочных заводов. Некогда безвестный «почтоящик», а ныне рассекреченное и даже приватизированное предприятие, этот заводик имел массу совершенно неизвестных на Западе технологических секретов, и продать их удалось за очень даже неплохие деньги.

«А Ной уже напоминает...» – с неохотой подумал Спирский о своем главном заказчике технологических «ноу-хау».

Здесь, на «Микроточмаше», коммерчески любопытной информации было еще больше, чем на том лакокрасочном заводе. И, прежде чем перепродать НИИ заказчику рейда, Петр Петрович намеревался без лишнего шума «снять» эти мало кому известные «сливки». Вот только пока доступ к самым сладким документам был намертво перекрыт пьяным и, похоже, не вполне психически нормальным osobистом.

Спирский знал, что добьется своего – раньше или позже. Он стал добиваться своего, как только перестал мечтать. А перестал он мечтать, когда понял главное: Краснов – его настоящий отец – не признает его никогда.

Понимание этого факта пришло к нему, когда вдруг приоткрылась завеса над прошлым семьи. Это была «темная история» из «темных времен», и главное, что сумел подслушать Петя из разговоров бабушки и прабабушки: и дед, и прадед когда-то кем-то были «взяты», куда-то «увезены» и где-то «сгинули». А бабушка и прабабушка, спасая себя от похожей судьбы, подписали какие-то бумаги о том, что знать своих мужей больше не хотят. Петя попытался узнать чуть больше, и женщины мгновенно замкнулись, а когда он спросил об этом у дяди Лени, тот просто испугался.

Лишь спустя много лет Петя узнает, что родство с репрессированным никогда не приветствовалось в судейской касте – даже в мягкие хрущевские времена. Вероятно, из профессиональной осторожности. А тогда он понял основное: правды не дожидаться – даже от своих.

Петя не сразу сообразил, что это означает, а когда все-таки сообразил, все пошло как по маслу. Свобода от правды оказалась штукой, на удивление, удобной – не только для взрослых, но и для него, особенно в положении единственного мужчины в семье. И все началось достаточно простым экспериментом – почти наудачу.

В день материнской получки и бабкиных пенсий он обошел семью, рассказывая каждой из женщин свою историю о каком-то малообеспеченном однокласснике, которому он очень хотел бы помочь. Разумеется, Петя понимал, сколь некрасиво кичиться своим благородством, а потому просил сохранить его обращение за субсидией в тайне. И дело пошло.

Каждый месяц он придумывал новые и все более слезливые истории об умерших и тяжело больных родственниках Веры Ивановой, о новом отчине Сережи Кузнецова и братике-инвалиде Илюши Фролова. И мама, бабушка и прабабушка вытирали мокрые глаза, чмокали забот-

ливого сыночка-внучка в щеку и выдавали по рублю. Когда же Петеньку посетило вдохновение и он создал проникновенную балладу о неизлечимом заболевании первоклассника Яши, который обречен в скором времени ослепнуть и никогда не увидеть цирк, зоопарк и уголок Дурова, он заполучил в фонд несуществующего первоклассника Яши целых двенадцать рублей.

Да, это не было похоже на рыцарское поведение, но с той секунды, когда Петя увидел в глазах главного и единственного рыцаря своей жизни дяди Лени Краснова страх, кое-что изменилось. Он уже не верил столь безоглядно в силу рыцарства.

* * *

Первым делом, едва на востоке занялась заря, Павлов направил машину к НИИ и тут же увидел, что в четырех окнах горит свет.

– У меня же там все ведомости на зарплату! – забеспокоился Батраков. – Что им там надо?

– Документы сортируют, – сухо пояснил Артем. – Что-то уничтожают, что-то фабрикуют заново, в общем, готовят предприятие к юридически чистой продаже.

Батраков шумно глотнул.

– И поскольку новый владелец ни в чем не замешан, – вывернул руль Артем, – он будет относиться к категории «добросовестный покупатель».

– И... что? – широко открыл глаза Батраков.

– И наши шансы вернуть предприятие приблизятся к нулю, – пожал плечами Павлов и, видя, что директор совсем упал духом, подбодрил его уверенной улыбкой: – Ну что, Александр Иванович, где будем собирать «штаб фронта»? Мы же будем его собирать?

Батраков стиснул челюсти.

– Будем, – жестко процедил он. – В пансионате. Я всех обзвонил.

«Эх и крепок еще старик, – подумал Артем. – Этот боец будет сражаться до конца».

* * *

Петр Петрович встал из-за стола, только когда убедился, что весь необходимый набор документов у него в руках. Он лично перевязал толстые папки прочным капроновым шнуром, забрал у Колесова печати и лишь затем отправился в директорский кабинет. С неудовольствием отметил беспорядок на столе и тут же выбрал из бумажных завалов самое главное: ежедневник, две толстые записные книжки и рассыпанные веером визитки. Это не было обязательным условием успеха операции, но знать связи Батракова досконально было бы полезно.

– Через часик здесь появятся Кухаркин и Кравчук, – предупредил он сопровождающего его повсюду Колесова. – Дашь им несколько бойцов, пусть проверят и опечатают остальное имущество НИИ.

– А вы... вы когда снова приедете? – напряженно спросил Колесов.

Спирский улыбнулся. Ничего юридически значимого в эти два выходных Батраков сделать не сумеет, но вот попытаться вернуть предприятие силой очень даже может. А потому лучше, если печати, самые важные бумаги да и сам Петр Петрович будут отсюда подальше, в Москве.

– Работай, Колесов, работай, – так и не ответив на вопрос, похлопал он бывшего майора по плечу, – а как спецчасть освободишь, звони. Телефон знаешь.

Штаб

Темно-синий «Ягуар» бесшумно скользил по ведущей в лес ровной асфальтовой дороге. Веселенький березовый лес уже обзавелся сочной зеленой кроной, но лучи восходящего солнца все же просеивались сквозь листву, и по лобовому стеклу автомобиля пробежали неровные тени от разросшихся лесных великанов.

– Красиво у вас, – отметил Артем, чтобы вывести директора из ступора. – Наверное, отбоя нет от желающих отдохнуть в пансионате? И доходы, должно быть, неплохие...

– Да никаких здесь доходов, Артем Андреевич! – отмахнулся Батраков. – Вроде и расположен пансионат хорошо, и целебные источники есть, и красота прямо пушкинская! А денег не приносит. Пустое дело. Даже рейдера не заинтересует.

– Не согласен, – покачал головой Павлов. – Ваш пансионат лакомый кусочек. Во всяком случае, продать его можно куда как быстрее, чем громоздкий НИИ.

Старик насупился, достал сигарету и закурил. Он знал, что Артем не любит табачного дыма, и держался от самого Тригорска, однако несогласие Павлова означало, что он, Батраков, не прав, а этого Александр Иванович не переносил – еще больше, чем адвокат табачный дым.

Павлов молча нажал кнопку стеклоподъемника и опустил стекло со стороны директора. И Батраков повертел сигарету в руках и... выкинул.

– В середине девяностых я попал на прием к одному из заместителей Гайдара с просьбой поддержать НИИ, – глухо сказал он, – и тот прямо сказал мне, что вся наша продукция – дерьмо.

Адвокат молча слушал. Он тоже помнил это время.

– А его помощники, – продолжил Батраков, – тут же начали обсуждать со мной проценты откатов на тот случай, если мы все-таки получим госзаказ.

Павлов еле заметно покачал головой. Он знал и об этой практике – достаточно, чтобы понимать Батракова.

– А сегодня стране снова потребовалась наша продукция, – вздохнул директор, – на новые ракеты, например, нужны подшипники меньше копейки размером. А делаем их только мы да немецкий «Сименс».

Артем насторожился:

– Значит, вам светит процветание на ниве госзаказов?

Это существенно расширяло число соперников и завистников НИИ, а значит, и круг возможных заказчиков рейда.

– У нас заказов с Министерством обороны и с Роскосмосом как минимум на два года вперед, – горько усмехнулся Батраков. – Очень вовремя на меня напали, подозрительно вовремя...

Слева по ходу движения машины появился металлический забор, окрашенный в голубой цвет. Затем дорога, вместе с забором, повернула к воротам, охранник с помповым ружьем, разглядев Батракова, нажал кнопку, и «Ягуар» выскочил на огромную поляну, спускающуюся к берегу реки.

– Ого! – восхитился Павлов.

Панорама открывалась... как на картинах передвижников. Внизу, в обрамлении изумрудной листвы, виднелись живописные, красного кирпича корпуса пансионата и несколько одноэтажных, в русском стиле, деревянных коттеджей. И машину уже встречали четверо разновозрастных мужчин.

Артем припарковал машину, прихватил портфель с ноутбуком и двинулся вслед за директором.

– Это директор пансионата – Мальков Кирилл Иванович, – представил Батраков толстяка с депутатским значком на лацкане.

– Артем Павлов, адвокат.

– Рад с вами познакомиться, – протянул руку Мальков.

– Вы, я вижу, депутат?

– Александр Иванович настоял, – кивнул Мальков в сторону директора и неловко пошутил: – Но что-то пользы от этого никакой... разве что не арестуют, пойдя что не так.

Павлов уклончиво кивнул, и Батраков, недовольный шуткой Малькова, по очереди представил ему остальных: главного инженера НИИ Боброва, финдиректора Лесина и заместителя по науке – усталого вида господина в мятом костюме и с огромной плешью на голове.

– Прошкин, – хрипло, с трудом выдавил зам по науке.

Все собравшиеся прошли в кабинет директора пансионата, уселись за длинный стол, и Павлов тут же взял слово.

– Господа, – раскладывая ноутбук перед собой, начал он. – Поскольку Александр Иванович предложил мне выступить защитником ваших интересов, позвольте сразу, не теряя времени, задать вам несколько вопросов.

Заместители дружно выразили согласие, и Павлов, подключив ноутбук к Интернету, задал первый вопрос:

– Не было ли у вас в последнее время налоговых или каких-то еще проверок, которых вы не ждали?

Все посмотрели на финдиректора Лесина.

– Было такое, – сдвинул брови финансист, – три проверки в мае, и все неплановые. Две из налоговой инспекции, еще одна – из пенсионного фонда. Но все вопросы мы сняли... так сказать... в рабочем порядке.

– Понятно, – продолжая щелкать по клавиатуре ноутбука, кивнул Артем, – следующий вопрос. За последние недели ваш секретариат получал письма, содержания которых вы не смогли понять?

Теперь откликнулся Батраков:

– Моя секретарша говорила, что получила письмо с чистым листом бумаги внутри. И еще было какое-то письмо, которое она приняла за рекламу. Я посмотрел, но, честно говоря, тоже ничего не понял.

Павлов кивнул какой-то своей мысли и поднял взгляд на собеседников.

– Это – классика рейдерства, господа. Ревизоры скачивали у вас нужную для рейда информацию, и, скорее всего, какие-то из проверок были заказными.

Руководители НИИ замерли.

– Письмо же было нужно для того, – пояснил Артем, – чтобы у рейдера на руках было документальное подтверждение о том, что вас как акционеров якобы уведомили о предстоящем собрании акционеров.

– Собрание акционеров?! – охнул Батраков.

Павлов, требуя внимания, поднял палец вверх:

– На этом собрании было принято решение о смене руководства, то есть вас. Далее они продадут предприятие другой фирме, а та в свою очередь следующей. И уже третий покупатель получает статус добросовестного приобретателя. И вся эта операция может быть закончена в три дня.

Предатель

Если бы Павлов не шелкал по клавиатуре, тишину в кабинете можно было назвать гробовой.

– К чему вы клоните, Артем Андреевич? – суровым голосом прервал молчание Мальков.

– Пока ни к чему, – печально улыбнулся адвокат, – я лишь поясню ситуацию. Вы должны были спохватиться при первых же признаках готовящегося захвата. Но и ваша служба безопасности, и ваши юристы эти тревожные симптомы проморгали. Ну, а теперь ключевой вопрос: кто из вас не является на сегодняшний момент акционером компании «Микроточмаш»?

– Я не являюсь, – ответил директор пансионата, – я пришел сюда не так давно, когда акции были уже выкуплены.

Павлов щелкнул по клавише в последний раз, откинулся на спинку стула и оглядел руководство НИИ.

– Изменяю вопрос: кто из вас перестал быть акционером НИИ?

– Что это все значит, Артем? – встревожился Батраков.

– Только то, что кто-то голосовал не арестованными акциями на фиктивном собрании акционеров за смену руководства. Это значит, что кто-то из вас...

Руководители недоуменно переглянулись.

– Да-да, из вас, – подтвердил адвокат, – или сам завладел предприятием, или тайно передал свои акции нынешним захватчикам.

В кабинете воцарилась такая тишина, что стало слышно, как ветер качает кроны берез. Никто не хотел признаваться.

– Это чисто технический вопрос, – вздохнул Павлов, – и его можно легко прояснить, например, достав реестр акционеров.

И тогда подал голос Прошкин. Он встал из-за стола, откашлялся и все тем же хриплым голосом произнес:

– Это... кхм... это я виноват.

* * *

По кабинету пролетел короткий вздох ужаса и разочарования. Все уставились на стоящего, словно провинившийся школьник, зама по науке.

– Удельная цена тридцати сребреников, – угрюмо прокомментировал Мальков. – Сколько же ты выручил в абсолютном выражении, Иуда?

– Ничего я не выручил... – устало произнес Прошкин и сел, почти упал на стул. – И в реестре вы никаких изменений не найдете.

У него был вид совершенно раздавленного человека.

– Как так – ничего не выручил? – опомнился Батраков. – Что, вообще, происходит?!

– Доверенность, – понимающе хмыкнул Павлов и обратился к Прошкину: – Вы дали кому-то доверенность на управление акциями?

Тот убито кивнул.

– А почему ты молчал? – поддержал его финдиректор.

– Шпионит, – мрачно предположил Мальков. – На рейдеров работает.

– Ни на кого я не работал и не работаю! – вскипел Прошкин. – У меня не было выбора! Они подставили моего сына! Или я делаю, как скажут, или мой сын садится в тюрьму на несколько лет. Ты бы поступил иначе?

Прошкин рывком поднялся и, с шумом оттолкнув стул, двинулся к выходу.

– Подождите, – жестом остановил его Артем. – Ваш сын хотя бы вышел на свободу?

Зам по науке понурился:

– Пока нет. Его обещали выпустить под подписку о невыезде сегодня утром.

– А кто предложил вам эту сделку? – не отпускал его Артем.

– Один опер из городского отдела милиции, – убито сказал Прошкин и вдруг испугался: –

Но я не буду называть его фамилию!

– А кому вы дали доверенность?

Прошкин на секунду задумался:

– Его фамилия Кухаркин. Я его не знаю и раньше не встречал... Все! Больше я ничего не скажу!

Зам по науке двинулся к выходу, но, когда он рванул дверь на себя, там оказался огромный охранник с поднятым для стука кулаком.

– Извините, Александр Иванович, – через плечо Прошкина обратился он к Батракову, – но там подъехал джип...

– И что?! – раздраженно рявкнул Батраков.

Охранник виновато пожал бугристыми плечами:

– Они говорят, что они новые хозяева.

Ложь

Петр Петрович ехал в Москву на предельной скорости. Чтобы не скучать, нашел на радио новости, но почти сразу же раздраженно выключил. Интервью министра экономического развития ничего нового не содержало, а главное, министр заблуждался в самых очевидных понятиях.

Да, именно коррупция и несовершенство законов помогали рейдерству, но кто сказал, что это плохо? Весь жизненный опыт Петра Петровича упрямо говорил: по-настоящему быстрый рост бизнеса возможен лишь там, где законы еще несовершенны, а власти коррумпированы. И как только законники учтут все, а чиновники перестанут «брать», мир просто остановится.

Величайший рейдер современности никогда не стеснялся лгать; уж он-то знал, что ложь – один из важнейших инструментов ведения современного бизнеса, ибо каждый, кто скажет правду о своих доходах, переместится в самое начало списка жертв – найдутся охотники.

Петр Петрович никому без нужды не платил, никогда не выполнял обещаний, данных с глазу на глаз, не брезговал обращаться к уголовникам, а особенно бестолковых клиентов «воспитывали» нанятые им «гориллы». Нет, он вовсе не был жесток; жестокой была сама жизнь, в которой всегда побеждает сильнейший. И репутация беспощадного дельца, которого проще иметь в союзниках, чем в противниках, была основой, фундаментом его блестящих побед. Но главной причиной неуязвимости Петра Петровича была та, что он не принимал ничьей дружбы. Потому что лишь так можно было не опасаться удара в спину.

Он познал цену дружбы как никто другой – едва начал собственное дело и организовал прием стеклопосуды на дому. Петя – тогда еще не вполне оформившийся подросток – давал 10 копеек за бутылку, а накопив несколько сот штук, от чего семейные дамы впадали в безмолвную истерику, нанимал дворника Эльдара, и тот за 1 рубль отвозил на своей рабочей тележке всю тару в ближайший пункт приема.

Да, квартира превратилась то ли в склад, то ли в помойку, а запах стоял... как на задах винно-водочного магазина, но поворачивать назад было поздно. Прибыль оказалась неожиданно высокой, и, проработав так всего месяц, Петя понял, что пора переходить на круглосуточный режим. Те, кому не хватало на «чекушку от таксистов», несли стеклопосуду даже ночью, а уж клятв и заверений в своей вечной «дружбе» Петя тогда наслушался – по горло.

Для начала Петя снизил ночной тариф до 6 копеек, а затем понял, что делиться с таксистами незачем и можно просто держать у себя в холодильнике запас водки и пива. И дело пошло: спиртное улетало, как горячие пирожки в базарный день.

Даже наивные женщины уже понимали, что товарно-денежные операции Пети вовсе не предназначены для организации Тимуровской команды и помощи ветеранам-инвалидам. Но было уже поздно: достигший 100 кг живого веса и освобожденный от армии «Айболитом» Петя заматерел, а главное, осознал, что никогда и не хотел никакой иной судьбы. Однако даже он, в самых сладких своих грезах, не представлял, как высоко поднимется, сколько власти и силы появится в его пухлых белых руках.

Депутат

Охранник замер в дверях, ожидая приказаний, и все руководство НИИ, включая едва не ушедшего Прошкина, дружно посмотрело на московского адвоката.

– Сколько их? – поинтересовался директор пансионата Мальков.

– Двое хозяев, шофер и охранник.

– Это в любом случае не захват, – констатировал Артем.

– Вы уверены? – насторожился Батраков.

– Пансионат не завод, – пояснил Павлов, – захватить его можно, а вот удержать сложно – территория большая, а охрана стоит денег. Думаю, здесь они будут действовать официально, через суд. И выгонять вас будут уже с ОМОНОм.

Батраков возмущенно покраснел, но довольно быстро его глаза наполнились любопытством: здесь, в пансионате, Александр Иванович ощущал себя полным хозяином.

– Машину на территорию не пускайте, – распорядился он, – а этих жуликов приведите сюда...

Охранник удалился исполнять приказ, и Павлов тут же повернулся к Прошкину:

– Вам не стоит присутствовать при этом разговоре. Не надо, чтобы вас видели. И еще... вас не затруднит подождать меня? Я хотел бы поговорить о вашем сыне.

Прошкин растерянно кашлянул:

– К-х-хорошо.

– Ну, а теперь посмотрим на оппонента, – задумчиво кивнул Павлов, – это всегда полезно.

* * *

Первым в кабинет вошел невысокий, подвижный, коротко стриженный молодой человек с колючим взглядом темных глаз. Увидел собравшееся за одним столом начальство, на секунду оторопел, но мгновенно взял себя в руки.

– Посмотри-ка, у них тут целый штаб работает, – с нервным смешком повернулся он к напарнику.

Второй, полный высокий мужчина в светлом костюме, вошел следом и с каменным от напряжения лицом вежливо поздоровался. И только шедший последним «клещ» так и остался у распахнутых настежь дверей – там, где его решительно отрезала от боссов охрана пансионата.

– Ну и хорошо, что мы вас всех застали, – с натушной беззаботностью усмехнулся стриженный. – Время сэкономим...

– Представьтесь, – сухо потребовал Батраков.

– Я – новый директор НИИ «Микроточмаш»... – начал стриженный.

Батраков побагровел, а Мальков медленно встал из-за стола.

– Самозванец ты... Гришка Отрепьев, – с презрением произнес он. – Вот сидит директор НИИ – Батраков Александр...

– А ты сам-то кто? – вызывающим тоном оборвал его стриженный.

– Моя фамилия Мальков, и я директор этого пансионата, назначенный...

– Бывший директор, – снова оборвал его стриженный, – с этого дня я вас увольняю приказом по НИИ, к которому структурно относится этот пансионат.

Мальков поперхнулся, а стриженный взял у напарника скатанный в трубочку листок и бросил его на стол.

– Вот приказ о вашем увольнении. Можете ознакомиться.

Руководители НИИ замерли: ни обсуждать законность «приказа», ни даже прикасаться к этой бумаге никто не хотел.

– Поехали отсюда, Леонид, – тронул стриженного за рукав более осторожный напарник, – вернемся с ОМОНОм и решением суда.

Оба дружно повернулись к двери.

– Вы, если я не ошибаюсь, Кухаркин? – послышалось вслед им.

Визитеры обернулись. Задавший вопрос незнакомый мужчина продолжал сосредоточенно работать на компьютере.

– Я... да... Кухаркин, – опешив, подтвердил стриженный. – А что...

– Кухаркин Леонид Васильевич, семьдесят второго года рождения... по оперативным данным, входил в подольское преступное сообщество... – тут же зачитал с монитора незнакомец, – проходил как свидетель по двум уголовным делам о вымогательстве и хищении в особо крупных...

Рейдеры переглянулись.

– Это еще что?

Но тот как не слышал.

– ...владелец небольшого водочного завода «Урожайный» в Подмосковье, – продолжал читать он, – вместе с Кравчуком С. И. организовал фирму «ИПС», замешанную в ряде громких скандалов, связанных с недружественным поглощением предприятий...

Стриженный порывисто шагнул к столу и схватил монитор ноутбука, намереваясь повернуть его к себе. Но незнакомец ему этого не позволил – тут же перехватил запястье рейдера и легонько повернул.

– Ф-ф-ф... – зашипел тот.

Охранник рванулся в распахнутые настежь двери, намереваясь помочь шефу, но его жестом остановил второй рейдер.

– Стоп! Ты кто такой? – впился он глазами в незнакомца.

– Вот моя визитная карточка, – вынул тот из кармана визитку и вложил ее в зажатую руку Кухаркина. – Ознакомьтесь и впредь ведите себя приличнее.

* * *

Спирский уже был на полпути к Москве, когда ему позвонил Кухаркин:

– Петр Петрович! Проблема!

– Ну, так решайте...

Было слышно, как взволнованный Кухаркин поперхнулся.

– Тут у них в пансионате адвокат, Петр Петрович!

Спирский высокомерно улыбнулся. Он уже наводил справки о тригорских адвокатах: никто из них опыта в подобных делах не имел, а потому сколько-нибудь достойных соперников ему в этой провинциальной коллегии просто не было.

– Из Москвы! – словно отвечая на его мысль, выпалил Кухаркин. – Тот самый, что в телевизоре...

– Как – из Москвы? – удивился Спирский. – Какой такой телевизор?

Он провел захват почти мгновенно, и договориться о защите так же быстро Батраков не мог. Да еще в выходные... и тем более в Москве.

– Он все про нас знает! – продолжал взволнованно тараторить Кухаркин. – И про Подольск, и про «Урожайный» – все!

Спирский резко сбросил скорость и начал прижимать машину к обочине.

– Так, давай по порядку! Имя, фамилия и так далее...

– Павлов! Московская коллегия, тачка навороченная, как...

Спирский резко нажал на тормоз, и его бросило на руль. Он помнил эту фамилию не только из телепередач.

– И костюмчик не меньше штуки баксов... – продолжал сеять панику Кухаркин.

– Стоп! – оборвал его Спирский.

В трубке воцарилась тишина, прерываемая лишь взволнованным дыханием Кухаркина.

«А с другой стороны, – подумал Петр Петрович, – ну, что он может сделать?»

Каждый шаг адвоката потребует времени, а НИИ со всеми его потрохами будет перепродан от силы к четвергу. А то и раньше.

– Значит, так, – процедил Спирский, – копия решения суда у тебя есть?

– Есть...

– Приказ о назначении тебя директором НИИ Колесов тебе передал?

– Передал...

– Приказ об увольнении Малькова ты подписал?

– Подписал...

– Вот и действуй. И никакая коллегия ничего сделать не сможет. И не звони мне больше по таким пустякам.

Петр Петрович оборвал связь, откинулся на спинку сиденья и на мгновение прикрыл глаза. Павлов был известным адвокатом, однако их пути не пересекались, и еще вопрос, настолько ли он хорош в работе, как по телевизору.

Спирский рассмеялся, взялся за руль и тронул машину с места. Он сталкивался с мощнейшими адвокатскими конторами – и с «Бадвой и партнерами», и со «Зловинским и К°», и с «ЮСТИСом» – и, хотя сражение велось по нескольким объектам сразу, сумел завалить всех.

Против него тогда были брошены не только «заряженные» судьи, но и лучшие юридические умы. Зловинского, как обычно, консультировал Бугинский и даже бессменный декан юрфака МГУ Зуханов. Но Петя обвел-таки докторов наук вокруг пальца и успел не только прибрать к рукам металлургический комбинат, нефтеперегонный заводик и химическую фабрику, но и выгодно перепродать их. В итоге только он, Спирский, вышел из этого правового котла сухим и богатым, а упомянутые великие законники до сих пор, уже второй год, ломают копья в арбитражных судах.

То же самое ждало и Павлова с его откровенно запоздалой попыткой повернуть юридический процесс вспять.

* * *

Выходивший «на минуточку» за дверь Кухаркин возвратился воодушевленным и тут же по-хозяйски уперся руками в стол:

– Ну что, господа, я внятно все объяснил? А теперь прошу вас не препятствовать законному руководству НИИ и покинуть территорию пансионата. Вместе с господином адвокатом. – Он повернулся к Малькову и язвительно улыбнулся: – А вас, как лицо материально ответственное, я попрошу остаться. Будете сдавать имущество по описи.

Мальков стиснул зубы, а Павлов встал из-за стола и развернул ноутбук монитором к рейдерам:

– Для начала загляните сюда.

Те настороженно переглянулись, и Кухаркин машинально потер кисть руки.

– Ну же, прошу вас, – подбодрил их адвокат.

– А что это? – настороженно спросил Кравчук.

– Местный закон о депутатах, – охотно пояснил Павлов, – и здесь четко сказано, что на период исполнения депутатом своих полномочий за ним закрепляется его рабочее место.

Уже чувствующие подвох рейдеры снова переглянулись.

– Ну и что? – осторожно поинтересовался более вдумчивый Кравчук.

Павлов кивнул в сторону Малькова:

– Кирилл Иванович – депутат городского собрания. Так что его рабочее место, то есть руководство пансионатом, останется за ним до следующих выборов. Таков закон.

Рейдеры дружно приоткрыли рты да так и замерли.

Отступные

Артем отслеживал реакцию рейдеров и быстро подтвердил свои предположения. Эти двое ничего не решали. Известные как соучастники нескольких рейдерских налетов, они определенно были на ролях исполнителей, а главное лицо так и оставалось в тени.

А тем временем рейдеры понемногу приходили в себя: принялись размахивать руками, кричать, что это лишь начало и пусть никто не надеется... что будет ответный ход... и вскоре начало кричать и размахивать руками и все больше заводящееся «отстраненное» руководство НИИ.

– А что, если поговорить об отступных? – внезапно для всех спросил Павлов.

– Что? – повернулся к нему Батраков.

И тут же наступила тишина.

– Вам не удержать предприятие, – по очереди посмотрел в глаза рейдерам Артем. – И, скорее всего, вы его просто перепродаете.

Те переглянулись.

– И не потому, что у Александра Ивановича в этом городе связи, а у вас их нет, – многозначительно улыбнулся Павлов, – и даже не потому, что вы, пусть и с пакетом акций, не знаете специфики «Микроточмаша»...

И рейдеры, и бывшее руководство НИИ напряженно слушали, но, куда клонит московский адвокат, не понимали ни те ни другие.

– Просто и вам, и нам договориться об отступных удобнее. Мы возвращаем себе контроль над предприятием, а вы получаете некую сумму за выполненную работу.

Рейдеры снова переглянулись, и Павлов сразу увидел, что попал в точку. Именно «некая сумма за выполненную работу» и была их целью.

– Мы должны подумать, – сосредоточенно ответил более толковый Кравчук.

И это означало, что они обязаны сообщить о предложении хозяину рейдерской конторы.

– До вторника времени хватит? – скорее предложил, чем спросил Павлов. – Будет обидно, если эту уникальную фирму второпях и за гроши продадут чужим людям.

И по тому, как блеснули глаза стриженного Кухаркина, Павлов увидел, что его намек на куда как большую, чем планировалось перед захватом, сумму до адресата дойдет.

* * *

Второй раз Кухаркин дозвонился до Спирского, когда тот входил в свой офис на Космодамиановской.

– Петр Петрович! Адвокат предложил отступные! – выпалил Кухаркин. – Я отложил разговор на вторник.

– Ты или он? – сразу понял, в чем дело, Спирский. – Кто из вас двоих отложил разговор на вторник?

В трубке наступила пауза. Кухаркин явно смутился.

– Он... – в конце концов признал рейдер.

– Время хочет потянуть, – констатировал Спирский. – А что именно он сказал?

– Сказал, что не хочет, чтобы фирма ушла на сторону за гроши.

Спирский рассмеялся. Московский адвокат наивно пытался вскочить на подножку давно ушедшего трамвая.

«Хотя, с другой стороны... – хмыкнул Спирский. – Почему бы не использовать ситуацию?»

Ему доводилось брать «отступные» на полпути, и это всегда было намного проще, чем доводить операцию до конца. Но самой лучшей была ситуация «аукциона», когда оба «владельца» – и старый, и новый – наперебой предлагают ему свои условия.

– И еще... Петр Петрович, – напомнил о себе Кухаркин.

– Ну?

– Мы не сумеем снять Малькова так быстро, как вы хотите, – виновато сообщил Кухаркин. – Он – депутат, а этот адвокат нашел закон...

Спирский заиграл желваками. Пансионат не представлял большой ценности, но продать его было проще всего, а довесок в виде несменяемого директора-депутата ни одному покупателю не понравится. Но, что еще хуже, Мальков, как директор, мог требовать ясности в документах, а Мальков, как депутат, – жаловаться. И обе его ипостаси изрядно портили кровь.

– Возвращайтесь, – распорядился Петр Петрович, – они еще не знают, с кем связались.

В его арсенале было множество способов давления; более того, время работало скорее на него, чем на московского адвоката. Однако мысль о том, что Павлов, едва объявившись, уже начал навязывать ему свои правила, не отпускала. И это было нестерпимо.

Торг

Едва рейдеры, осознав, что с налету изгнать Малькова не выйдет, и слегка дезориентированные предложением отступных, покинули пансионат, руководители мгновенно сгруппировались вокруг Артема.

– Артем Андреевич, – начал Батраков, – я не собираюсь мешать вашей работе. Но зачем вы дали понять, что стоимость НИИ выше, чем они могли предполагать? Это же увеличит сумму отступных!

– А никакого выкупа не будет, – устало ответил Павлов. – Им это не нужно. Будьте уверены, уже в начале следующей недели они оформят продажу НИИ своей дочерней фирме. А затем перепродадут его заказчику рейда – так называемому добросовестному покупателю, у которого отнять вашу фирму будет почти невозможно.

– Вы хотите, чтобы рейдеры затребовали с заказчика денег больше, чем они обговаривали раньше? – предположил финдиректор Лесин.

– Точно, – подтвердил Павлов. – Пусть торгуются, скандалят, пытаются создать «аукцион», а мы тем временем будем работать.

– И что я должен предпринять? – напряженно поинтересовался Батраков.

Артем на секунду задумался:

– У вас есть связи в налоговой?

– Конечно, – пожал плечами директор.

– Попросите их возбудить дело против вашего НИИ. И лучше подготовить бумаги за выходные, чтобы подать иск в понедельник, сразу с утра. Налоговики найдут к чему придраться, а руки рейдерам это свяжет.

– Отличная мысль! – оценил идею финдиректор Лесин.

Артем снова застучал по клавиатуре ноутбука.

– И еще... у вас неудобные акционеры есть? Жалобщики, недовольные...

– Есть один... ветеран всех фронтов, – нахмурился Батраков. – Он мне всю кровь выпил. Только в утрате потенции меня еще не обвинял...

Павлов удовлетворенно кивнул:

– Отлично. Я завтра же пришлю к нему своего помощника, пусть этот акционер подает на вас в суд.

Батраков побагровел, но, уже понимая, что все сказанное адвокатом имеет смысл, терпеливо ждал разъяснений. И Павлов разъяснил.

– Формально, чтобы доставить фирме массу неприятностей и даже арестовать некоторые бумаги, – тихо сказал он, – достаточно одной-единственной акции. И это как раз то, чего рейдеры сейчас не хотят. – Он оглядел притихших руководителей. – Ну, и поднимайте волну... в прессе, на радио. Подключайте связи, шумите, – отвлекайте внимание, одним словом.

– А вы чем будете?.. – начал, да так и не завершил вопрос Батраков.

Павлов понимающе кивнул:

– А я тем временем попробую поставить под сомнение саму правомочность захвата. Если успею, конечно.

Компромат

Петр Петрович стремительно прошел к своим компьютерщикам и первым делом взял со стола сводку. Его люди постоянно отслеживали в Интернете все сообщения о своем боссе и фирме «МАМБа», а порой и вычищали их, в том числе и с помощью конкретных финансовых бонусов.

– Что с «компроматом»? – спросил Спирский, имея в виду самый строптивый «сливной» сайт.

– Заблокировали, Петр Петрович, – не отрывая взгляда от монитора, сообщил его лучший хакер.

Спирский удовлетворенно прищурился. Он знал, что надолго блокировать сайт не получится, но порой даже два-три дня имели немалое значение.

– Петр Петрович, – окликнули его от двери, и Спирский обернулся.

Это был Толик Блинков, его зам по правовым вопросам.

– Все уже собрались. Ждут.

Спирский кивнул, аккуратно положил сводку на место и двинулся вслед. Ему предстояло провести со своими работниками «мастер-класс». О том, как бороться, с кем бороться и как вести «бизнес», основатель «МАМБы» всегда рассказывал сам, и эти наполненные жизненным опытом лекции, как правило, никто не пропускал.

Петр Петрович вошел в обитый темно-коричневыми пластиковыми панелями кабинет и ступил на такого же цвета и рисунка ламинат. Основатель не баловал сотрудников роскошным интерьером и, руководствуясь правилом «Не дорого, но чистенько», всегда выделял на очередной ремонт минимум денег.

– Здравствуйте, Петр Петрович... – нестройно загудели сотрудники.

Спирский быстро оглядел «студентов». Все работники «МАМБы», кроме занятых на «производстве», были уже здесь.

– Так, я не слышу бодрости в голосах моих верных вассалов, – бодро пошутил Петр Петрович.

Сотрудники снова загудели – уже дружнее, и Спирский, хрустнув суставами, потянулся и удовлетворенно оглядел своих работников:

– Что вам рассказать на этот раз? Или подискутируем?

Услышав предложение подискутировать, «студенты» опешили. Таким добрым их шеф бывал нечасто.

– Вы говорили, что мы – санитары бизнеса, – вылез вперед лишь вчера принятый в «МАМБу» рыжеволосый стажер, – но ведь и «овца» имеет на свою шкуру... если не юридическое, то хотя бы моральное...

Спирский прищурился. Этого лупоглазого рыжика-пыжика приняли по протекции одного из давних сотрудников «МАМБы». Игорь, верный помощник Спирского, сам побеседовал с ним, проверил биографию, позвонил знакомому оперу и в итоге утвердил его с испытательным сроком в три месяца.

– Хочешь узнать, почему я этого права не признаю? – поинтересовался Спирский.

– Хорошо бы.

Петр Петрович усмехнулся. Наивность стажера не знала границ, и Спирский, поначалу раздражавшийся такой непосредственностью, решил при случае использовать это чудесное качество. Например, подставить этого олуха под какую-нибудь «проходную» сделку, а потом сделать крайним. Такие кадры тоже нужны.

– Идет, – кивнул Петр Петрович, – расскажу вам кое-что из жизни «овец».

Он расположился в кресле за двухтумбовым массивным, занимающим чуть ли не полкомнаты, столом и оглядел сгрудившихся вокруг «студентов».

– Взять хотя бы нашего нынешнего клиента – НИИ «Микроточмаш». Когда его директор Батраков занимался приватизацией, он обманул не только тех, кто создавал институт. В первую очередь он обворовал государство.

– А откуда вы это знаете? – заинтересовался рыженький. – Вы же не опер...

– А все это очень просто, – улыбнулся Спирский и повернулся к своему заместителю Блинкову: – Толик, что должен был сделать Батраков по второму варианту приватизации?

Тот сразу же отреагировал:

– Включить обязательную долю государства в размере тридцати процентов плюс одна акция.

– А сделал он это?

– На бумаге, которую показал в министерстве, да, – кивнул Блинков. – А на самом деле зарегистрировал совсем другие документы.

Рыжеволосый стажер приоткрыл рот, явно, чтобы спросить, почему Батракова еще не посадили, и Блинков, получив молчаливое разрешение шефа, приоткрыл еще одну тайну:

– Сам Батраков руки не марал. Он подставил начальника юротдела НИИ, которого через полгода сам же выгнал за пьянку.

Наблюдающий за реакцией «студентов» Петр Петрович усмехнулся, и Блинков понял, что шеф доволен и можно продолжать:

– После этого он избавился еще от трех своих замов, забрав их доли. А в течение следующего года создал ситуацию, угрожавшую банкротством и разорением предприятия.

– А это ему было зачем? – вытаращился рыженький.

– Люди испугались, – пожал плечами Блинков, – и начали скидывать акции за бесценок. И тогда Батраков скупил их и довел свой пакет акций до контрольного.

Блинков еще раз глянул в досье и завершил:

– Фактически в составе акционеров остались только те, кому плевать на все, либо те, кого Батраков побоялся «кинуть».

Юрист захлопнул папку, сел и со скучающим видом уставился в окно, из которого была видна часть набережной Москвы-реки. А Спирский хохотнул и забросил свои короткие ножки на стол. Это означало, что директор «МАМБы» испытал наивысшее удовольствие от общения с подчиненными.

– Мы очень хорошо проанализировали деятельность этого деятеля, – скаламбурил Петр Петрович, – и получили весьма интересный портрет.

Сотрудники превратились в слух, а он все рассказывал и рассказывал. И об эмиссии акций, когда пакеты ненужных акционеров размывались, а сами акционеры оставались ни с чем. И о том, как Батраков зарегистрировал пару оффшоров на свою семейку. И даже о том, что все бабки НИИ в конечном счете сливаются в швейцарский банк.

– Возникает вопрос, а где он платит налоги? – зло улыбнулся Спирский. – Ответа нет, как нет и бабок в бюджете. На западном языке это называется «схема оптимизации налогов», а на русском – «воруют».

«Студенты» сдержанно засмеялись, и Петр Петрович счел важным подчеркнуть, что рядовые акционеры НИИ при таком директоре давно забыли, что такое дивиденды, а всякие ненужные семейному карману Батракова вопросы, типа очистных сооружений, всегда решались обычной взяткой, в данном случае – списанной и врученной небогатому природоохранному прокурору «Волгой».

– Как хотите, – развел руками Петр Петрович, – а этот клиент – наш.

И рыженький стажер только растерянно и восхищенно хлопал глазами.

Третий

Оставив руководство НИИ составлять «план мероприятий», Павлов первым делом позвонил в Москву, одному из своих наиболее хватких помощников:

– Ванюшка, выезжай.

– Прямо сейчас не смогу, шеф. Вы же знаете, у меня на субботу...

– Хорошо, выезжай сегодня вечером, – разрешил Павлов, – но чтобы с утра в воскресенье был уже здесь и готовил документы. Номер в гостинице я тебе забронирую.

– Понял, – нехотя согласился помощник.

Павлов знаком пригласил терпеливо ждущего Прошкина садиться в его машину и отправился в город: ближе к обеду, часа через два, должна была решиться судьба сына заместителя по науке. И Прошкин сразу же стал рассказывать, как все это произошло:

– Это случилось три недели тому назад.

«Три недели... – отметил Павлов, – однако все три недели вокруг НИИ ничего не происходило. И каких документов у них могло не хватать?»

Вопрос был не праздный, и, если бы Артем на него ответил, защита НИИ могла быть выстроена куда как быстрее.

– ...Слава и его друзья выходили из клуба и садились в машину моего сына, – рассказывал Прошкин, – а тут в клубе – облава, и в машине моего сына, под водительским сиденьем, нашли пакет с анашой. Целых полкило! Представляете?

«Кто-то из местных в деле... – подумал Павлов. – А то и – в доле...»

Организовать столь явную подставу без прямого указания из верхов Тригорской администрации было бы непросто. Да и не нужно.

– Его сразу арестовали...

– А как именно вам предложили сделку? – заинтересовался Павлов.

– Пришел этот Кухаркин, – поник головой Прошкин, – сказал, что поможет, но ни деньги, ни акции ему не нужны – только доверенность на управление акциями. А потом и в милиции намекнули, что надо быстрее что-то решать.

– Кто намекнул – следователь?

– Да, из городской криминальной милиции, – нехотя подтвердил зам по науке, – они и арест производили...

Артем сосредоточился. Участие местных оперативников в подставе упрощало рейд, однако Павлов чувствовал: манера захвата столичная – быстрая и юридически грамотная, да и «послужной список» пришедших в пансионат рейдеров никак не был связан с Тригорском. В этом «симбиозе» чувствовалось какое-то противоречие.

– Только я прошу вас, – внезапно испугался Прошкин, – не надо все это разглашать!

Артем сокрушенно покачал головой.

– Я не имею права уговаривать вас выступить на стороне Батракова, – тихо сказал он, – у меня у самого сын... понимаю. Но если вам нужна моя помощь, то я буду защищать вашего сына в этом деле. Вот моя визитка.

Прошкин взял визитку, некоторое время потрясенно вертел ее в руках и вдруг полез в карман и вытащил из старенького портмоне другую визитку.

– Вот здесь фамилия, должность и телефоны этого капитана... в общем, все.

Павлов кивком поблагодарил за доверие и развернул визитку лицевой стороной.

«Ну что ж, капитан Бугров, теперь я знаю и третье лицо в этом деле...»

Прошкину явно полегчало, и он принялся рассказывать – просто о себе. О том, как рад был когда-то просторной квартире и возможности работать на космос и «оборонку». Как стремительно рос город, как много ему платили и как завидовала вся округа их московскому снаб-

жению. Как за пять лет он защитил докторскую, а жена за те же пять лет стала кандидатом наук. И как потом все это рухнуло, и люди, чьи головы за рубежом оценивались в миллионы, пошли торговать шмотками на рынке.

«Кто вы?» – думал Артем о невидимом противнике.

Он чувствовал эту столичную хватку, но видел, что и без местных тоже не обошлось.

– ...и я бы пошел на рынок, если бы Батраков не спас, – в голосе Прошкина зазвучал стыд, – платил нормально. Акционером сделал...

– И?

– Но я – не герой! Я и не могу, как Пахомов, запереться и отстреливаться до последнего патрона!

Павлов с недоумением посмотрел на зама по науке.

– Какой Пахомов? Что за стрельба?

– А разве вам не рассказали? – удивился Прошкин, – Пахомов, наш особист, бывший «афганец», заперся в спецчасти и начал палить... прямо по рейдерам.

– Бывший «афганец»? – насторожился Артем.

Он знал одного «афганца» Пахомова.

– Ну да, – подтвердил Прошкин, – бывший офицер КГБ, звания не помню.

Лицо Артема непроизвольно растянулось в улыбке.

– Бывший... – пробормотал он. – В этой конторе «бывших» не бывает.

– А вы что... его знаете?

Павлов задумчиво хмыкнул:

– Был у меня знакомый с такой фамилией.

Впереди показался синий дорожный знак с надписью «Тригорск», и Павлов повернулся к ученому:

– Скажите, а что... этот Пахомов... он так и сидит в своей спецчасти и держит оборону?

– Ага, – кивнул Прошкин, – и, насколько я его знаю, добровольно он оттуда не выйдет.

«Это точно... – подумал Артем. – Насколько его знаю я...»

Воспитатель

Петр Петрович устал и охотнее всего отправился бы домой отсыпаться, но он должен был дожидаться новостей из Тригорска.

– Наши союзники и опора – закон и государственный аппарат, – прошелся он по кабинету. Сотрудники замерли. Шеф, как всегда, мыслил парадоксами.

– Или, что то же самое, несовершенные законы и продажные чиновники, – пояснил Спирский.

Чуть было не подумавшие, что шеф заговаривается, «студенты» с облегчением рассмеялись, а Петр Петрович раскинул руки в стороны, словно указывая, где стоит непродуманный закон, а где – продажный чиновник.

– Мы следуем первым и обращаемся ко вторым.

Сотрудники превратились в слух, и не потому, что побаивались шефа; просто Петр Петрович иногда действительно открывал им глаза на жизнь, как она есть.

– Беда в том, что, пока вы учились, кооператоры превратились в олигархов. Захватили ресурсы и теперь плевать хотели и на закон, и на государство.

Спирский победно оглядел своих «вассалов».

– Но мы-то с вами юристы! Кому, как не нам, навести порядок в зажравшемся российском бизнесе?! Научить их уважать закон и страну!

– Вы хотите сказать, что мы помогаем закону и стране? – снова вылез вперед хлопающий ресницами по конопатым щекам парнишка.

Спирский усмехнулся.

– Толик, – повернулся он к Блинкову, – дай-ка нам статистику.

Зам по правовым вопросам кивнул и с невозмутимым, даже несколько ленивым видом открыл свое вечное досье.

– С учетом этого года и прошедших пяти лет, когда с нами работали сотрудники ГСУ, мы помогли раскрытию 25 преступлений в сфере финансово-хозяйственной деятельности. За это время лейтенанты, начинавшие работать с нами, стали майорами, два капитана – подполковниками, один – полковником, а подполковник Чекалов – генералом. Ордена и медали перечислять?

Блинков лениво оторвался от бумаг и вопрошающе глянул на шефа, но Спирский уже тяжело, почти гипнотически смотрел на «студентов».

По сути, от этих болванов требовалось немного. Разбежаться по всем волостям да забомбить суды исками и заявлениями. Пусть себе накладывают аресты по всей матушке России и назначают собеседования и слушания, на которые никто никогда и не явится. Но даже болван должен верить в свою правоту, а лучше – в избранность.

– Это не просто цифры, – с чувством произнес он. – Отыскать скелет в шкафу можно у каждого бизнесмена и даже бизнесвумен.

Кто-то робко хихикнул.

– Но покопайтесь в досье так называемых олигархов, и вы увидите: каждый из них – вор и убийца. Каждый из них шел по статьям и под статьями. Именно каждый.

В осаде

Артем высадил Прошкина в центре и после недолгих колебаний направил машину к захваченному рейдерами НИИ.

«Неужели это тот самый Пахомов? – думал он. – Просто невероятно!» А в памяти уже всплывали картинки из далекого, казалось, навсегда оставленного позади прошлого.

Они оба тогда учились в Высшей школе КГБ. Павлов пришел после службы в погранвойсках, а Пахомов был зачислен, уже имея за плечами боевой опыт службы в Афганистане. И оттуда он привез не только боевые награды, но также ранение и контузию. Ранение не было тяжелым, но вот контузия беспокоила, а иногда и пугала – в том числе и сокурсников.

Артем вспомнил ставший известным на всю школу случай, когда Сашку неосторожно зацепил словом старшина-сверхсрочник, выполнявший на курсе функции казначея и распределявший талоны на распродажу. Тот, не подумав, попрекнул Пахома в том, что «афганцам» государство дало и так слишком уж много льгот, и не всегда по делу.

Павлов, присутствовавший при этом, тогда подумал, что Сашка свернет обидчику шею, такой холодной яростью полыхнул его взгляд. Но Пахом тогда удивил всех: он просто схватил толстенького старшину и с видимой легкостью забросил того на канцелярский шкаф. С тех пор Пахомова старались не доставать.

«Это точно Сашка Пахом, – тихо рассмеялся Павлов. – Если уж закусил удила, будет держаться до конца».

Некоторое недоумение вызывало то, что рейдеры, несмотря на открытую особистом стрельбу, не стали обращаться в милицию: то ли решили не поднимать шума, то ли не были до конца уверены, что милиция не примет сторону жертвы. В обширной рейдерской практике случалось и такое.

«Скорее всего, они просто не хотят шума, – решил наконец Павлов, – и рассчитывают, что Сашке самому надоеет эта «игра» и он свалит домой, когда осознает, что на выручку ему не придут...»

Проехав по пустому переулку, Павлов остановил «Ягуар» прямо у проходной НИИ и, выйдя из машины, оглядел здание – как крепость, за которую еще предстоит драться.

Здание НИИ внешне выглядело именно так, как и должен выглядеть «ящик». Видимо, в советские времена кто-то получил Госпремию, изобретя такой серый, невзрачный стеклянно-бетонный корпус, который не спутаешь ни с чем другим, ибо во всех городах Союза все эти здания были построены, считай, по одному и тому же проекту.

«Вот ведь ирония судьбы, – думал Артем, проходя по разбитой асфальтовой дорожке, – прятали и защищали эти «ящики с секретами» от шпионов и врагов-империалистов, а теперь свои же «совки» их захватывают».

Проходная завода слегка напоминала рубку крейсера «Варяг» после артобстрела японской эскадрой: стекла выбиты, двери сорваны с петель и приставлены к стене, а стены закопчены, – видимо, от дымовых шашек или холостых выстрелов «пугачей». А у дверей стояли крепкие парни в черных куртках и беретах, настороженно глядящие на приближающегося к ним незнакомца.

– Бойцы, кто старший?! – с ходу начал Павлов.

– А те че надо? – угрюмо спросил мордорот, с вызовом оглядев визитера с ног до головы.

Артем понимал, что указания бойцам были даны самые строгие насчет всех посетителей, и даже его мажорный вид не произвел на них никакого впечатления.

Однако это его не смущало.

– Вопрос не слышали? – с металлической нотой в голосе поинтересовался он. – Старшего сюда! Быстро! Скажите, Павлов пришел!

Бойцы переглянулись; они явно были смущены таким нахрапом, и наконец тот, что постарше, кивнул:

– Позови!

Мордovorот, нехотя переваливаясь, исчез внутри разгромленной проходной, и вскоре в разломанном дверном проеме появился крупный и плечистый, но уже немолодой мужчина, которого Павлов про себя тут же назвал «офицером». И едва быстрые серые глаза «офицера» остановились на лице визитера, как его рот растянулся в напряженной улыбке:

– Ба-а, какие гости! Здравствуйте, господин Павлов! Вот ведь не ждал, не гадал...

«Ждал... – не поверил ему Артем, – еще как ждал...»

– Вы, можно сказать, кумир моей семьи, – продолжал напряженно нахваливать гостя «офицер», – жену, дочь и тещу от телика не оторвешь, когда вы там народ просвещаете. Вы случайно телевидение с собой не привели?

Павлов ждал. «Офицер» определенно просто тянул время, чтобы собраться с мыслями.

– Не-ет? Ну и хорошо, что один и без оружия. Чем могу служить?

– Для начала представьтесь, пожалуйста, – деловито потребовал Артем и представился сам: – Я действительно Артем Андреевич Павлов, адвокат Московской коллегии.

– А я – Сергей Михайлович Колесов, новый начальник охраны НИИ, – широко, словно показывая, насколько велики его полномочия, развел руки в стороны «офицер».

«Может и не пропустить...» – оценил значение жеста Артем.

– Уважаемый Сергей Михайлович, у меня к вам абсолютно деловой, конфиденциальный разговор. – Артем многозначительно двинул бровями и кивнул в глубь коридора. – Можем мы пройти к вам в кабинет?

«Офицер» напряженно оглядел его с ног до головы, его взгляд остановился на портфеле адвоката.

– А какие у нас с вами, господин защитник, могут быть деловые разговоры? – наконец задумчиво спросил Колесов.

Артем ждал; он понимал, сколь непростое решение должен принять нанятый рейдерами «офицер».

– Ну... коли пришли, проходите, – наконец-то отважился Колесов, – хоть автограф дочери оставите. А то ведь не поверит, что я с ее кумиром в вонючей проходной общался.

Он посторонился, пропуская адвоката вперед, и Артем решительно шагнул в чрево захваченного НИИ.

Кабинет Сергея Михайловича Колесова более напоминал солдатскую каютерку. На полу были разостланы матрасы, а на единственном столе громоздились бушлаты, телогрейки и синие шинели с зелеными петлицами, оставшиеся от прежних вохровцев. Вперемешку со всеми этими шмотками валялись обрывки газет, пластиковые бутылки из-под воды, крошки хлеба, огрызки яблок и прочий неидентифицируемый мусор. Под ногами на затоптанном грязном полу Артем даже разглядел ровные, с пятирублевую монетку, пятна засохшей крови. А в воздухе без движения висел фиолетовый табачный дым. Смрад, грязь, разгром и хаос.

Дождавшись, пока незваный гость закончит осмотр, Колесов, явно довольный произведенным на адвоката впечатлением, достал из нагрудного кармана своей форменной куртки блокнот и протянул Павлову:

– Не откажите в любезности, подпишите!

Павлов размашисто написал: «На добрую память...» – и поднял глаза на Колесова:

– Кому? Как звать дочку?

– Елизавета, как королеву аглицкую! – с гордостью ответил тот.

Павлов дописал: «...будущей королеве Елизавете от А. Павлова» – и поставил подпись, которую обычно оставлял на подобных неофициальных бумагах.

– Вот и славно... спасибо, – быстро упрятал блокнот в карман Колесов. – Ну, так что за конфиденциальный разговор вы хотели вести?

– Я пришел к вам вполне официально, так как у меня есть соглашение с супругой человека, насильно удерживаемого вашими людьми в этом здании.

Колесов напрягся, и Павлов понял, что Пахомов и впрямь все еще здесь.

– Я не собираюсь качать права, – успокоил он «офицера», – так как вижу, что вы человек серьезный, бывалый и понимаете, что раз я пришел, то не уйду, не выполнив своего адвокатского долга.

Колесов поморщился, как от зубной боли:

– Долг, соглашение, права... Как все у вас пафосно! Да никто этого вашего Пахомова здесь не задерживает! Мы его хоть сейчас выкинули бы отсюда, он у меня как чирей на ж... Заперся, сука, и отстреливается.

«Он, – с теплотой подумал Артем, – больше некому...»

– Мы его, козла, и уговаривали, и денег предлагали, – страстно принялся жаловаться Колесов, – жену и ту привозили, а он – как рыба об лед!

Павлов не выдержал и рассмеялся. Он все больше узнавал в упертом особисте «Микро-точмаша» своего Пахома – в каждой черточке.

– Если вы его заберете, мы вам только спасибо скажем!

– Ну что ж, давайте попробуем вытащить вашего «узника», – все еще смеясь, предложил Артем. – Хуже от этого никому не будет.

Урок

Петр Петрович узнал от Колесова о визите московского адвоката, едва тот появился у проходной.

– Не препятствуй, – мгновенно принял он решение, – а при случае – подставь.

Он понимал, что шансов подставить опытного «почтальона», как называли в его кругу адвокатов за их непригодность ни к чему, кроме как доставить арестанту письмо, записку или передачку, почти нет, а вот разобраться, зачем тот явился в НИИ на самом деле, Колесов мог.

– Ну что ж, – оглядел Спирский «студентов», – продолжим наш «мастер-класс». На чем мы остановились?

– На олигархах, – напомнил рыженький стажер.

– Нет, я вовсе не призываю вас объявить охоту на олигархов, – упреждающе поднял руку Петр Петрович. – Это стадо – резерв государя. Когда проголодается, тогда и выдернет очередного жирного барана. Будь то телеканал или акции нефтегазового монстра.

– Это вы, Петр Петрович, про «Нефтеросс»?

Спирский стиснул челюсти. Этот рыжий опять влез с уточнениями, и охотнее всего он бы отправил этого стажера куда-нибудь на село. Была у него такая мечта – прихватить один крупный подмосковный совхоз. Там такой олух царя небесного очень бы пригодился. Провести через него совхозный сход, выбрать директором. Над внешностью поработать, очечки кругленькие нацепить, пиджачок серенький с заплаточками на локтях, вроде как работает много и бережливый... Но отвлекаться в самый важный момент основатель «МАМБы» не собирался.

– У Президента много способов отрейдировать олигарха, – пояснил он, – вот если бы тебе Президент страны сделал предложение отдать ну, например, половину твоего состояния. В пользу какого-нибудь фонда «Кремлевские сады». Ты бы смог отказать?

Спирский оглядел наивное конопатое лицо стажера и окончательно принял решение следующий же захват провести с этим рыжим почемучкой. Стоит его похвалить, а то и назвать партнером, и этот пацанчик будет у него в кармане.

– Ну... это зависит, как будет сделано предложение, – исполнился важности стажер, – если наш Президент говорит так, что желваки ходят на скулах, или руки под стол уберет, то лучше отдать не только половину, а все сполна.

Петр Петрович заинтересовался, но прерывать не стал.

– Ну а если он руки на столе держит, – продолжал демонстрировать свои познания рыжий, – спокойно говорит, чуть лениво поглядывает, брови поднимает, лоб морщит, то можно и поторговаться...

Спирский недобро прищурился:

– Когда тебя Президент позовет, ты мне потом расскажешь, как торговался. Если, конечно, тебя потом найдут!

«Студенты» подобострастно рассмеялись, но Петр Петрович тут же – одним властным жестом – призвал их к тишине.

– Главное, что вам следует помнить: мы – не беспредельщики, мы следуем закону. В этом наша броня. – Он поднял стиснутый кулак. – И еще: мы служим нашей стране. В этом наша сила. Мы – не просто санитары бизнеса. Мы его надежда и будущее...

Петр Петрович оглядел замерших «студентов» и, осуждающе покачивая головой, сказал главное:

– Потому что на той стороне «линии фронта» – только зажавшиеся Батраковы.

Тот самый Пахом

Артем буквально выскочил из душной смрадной дежурки и зашагал вслед за Колесовым. В коридоре, у двери в спецчасть, увидел сидящих на стульях трех охранников с помповыми ружьями и в бронежилетах.

– Ну, как там наш смутьян? – подошел Колесов к старшему.

– Да вроде тихо пока, – уважительно поднялся тот со стула. – Иногда матом кроет. Иногда песни поет.

– Короче, развлекается, – прокомментировал Колесов и кивнул в сторону Артема. – Это его адвокат, господин Павлов. Хочет попытаться увести его домой без шума.

– Вы бы осторожнее с ним, господин адвокат, – сочувственно посмотрел на Артема охранник, – он точно контуженый, может и башку ненароком прострелить.

– Я знаю, – улыбнулся Павлов и шагнул в распахнутую дверь оружейки.

Здесь был полный разгром: ящики для пистолетов и пирамида, где еще недавно стояли карабины, опрокинуты, стол продавлен, а табуретка разбита – то ли о стену, то ли об голову... Такое обычно и бывало в захваченных предприятиях, где находилась вооруженная охрана.

Артем видел подобное не раз и уже знал, как и что происходило: за пару дней до «мероприятия» приходят милиционеры из разрешительной системы и под предлогом проверки охранной деятельности изымают оружие. И только затем появляется какой-нибудь Колесов со своими хлопцами.

Павлов машинально оценил число выбоин от пуль на стенах и вздохнул: их было больше десятка, а значит, Пахом действительно «заклинил» и опять вспомнил Афган.

За дверью послышался металлический лязг передергиваемого затвора, и Павлов, даже не отдавая себе отчета, что делает, мгновенно вылетел за пределы зоны обстрела и прижался к стене.

– Стоять, гады! Еще шаг, и я стреляю!!

Это был тот самый Пахомов. Уж его голос Артем помнил отлично.

– Спокойно, Пахомыч! – крикнул он. – Это я – Артем Павлов, Палыч! Помнишь меня!

– А почему не папа римский?! – нетрезво поинтересовался Пахомов. – Вали отсюда, пока не сделал в тебе пару лишних отверстий. Для вентиляции... мозгов!

– Да ты что? Совсем озверел?! – заорал Артем и прижался к стене еще плотнее. – Это же я, твой однокурсник! Выпуск 1991 года, второй факультет, группа 2Б, 7-я «норвежская» подгруппа, начальник курса Новиков, замполит Ефремов, старшина курса Городецкий...

От двери спецчасти послышалось сопение.

– Выйди.

Артем выдохнул, мысленно перекрестился и покинул укрытие.

– Помнишь, как ты Шумилкина забросил на шкаф? – не прекращал он поддерживать «беседу». – А как на Новикова орал? А как мы с тобой на последний рубль на двоих пообедали в столовке?

За дверью воцарилось молчание, а в пустой глазнице бронированной двери блеснул осколок зеркала. Пахомов явно оценивал дислокацию тех, кто провел Павлова и теперь стоял по другую сторону двери в оружейку.

«Грамотно...» – отметил Артем и бросил взгляд на Колесова. Тот притаился у дверного косяка и внимательно прислушивался к тому, что происходит внутри. И правая рука нового начальника охраны была предусмотрительно сунута в карман куртки, где, видимо, и лежал служебный «макаров».

– Слушай меня, однокурсник, – заворочался за дверью Пахомов. – Если хочешь со мной поговорить, то сначала закрой дверь в оружейную комнату на засов. Затем подойди к двери и,

досчитав до двадцати пяти, открой ее и заходи. И без фокусов! Если я еще кого-нибудь, кроме тебя, увижу, замочу всех! Ты меня понял?

Артем быстро, не давая Колесову и его людям опомниться, развернулся на пороге и захлопнул дверь, ведущую из коридора в оружейную. Щелкнув засовом, подошел к двери, за которой скрывался Сашка, и начал отсчитывать секунды. И на двадцать пятой секунде дверь приоткрылась, и мощная рука, схватив его за полы пиджака, рванула внутрь помещения.

На мгновение Павлову показалось даже, что он, несмотря на свои девяносто килограммов веса, оторвался от земли.

– Полегче, медведь...

Павлов огляделся. На столе была разложена нехитрая закуска и высилась литровая бутылка с надписью: «Спирт медицинский для наружного применения». А у стены стояло штук шесть загодя заготовленных пластиковых бутылок с водой, – недели две можно продержаться.

Дверь за спиной захлопнулась, лязгнул замок. Павлов повернулся и увидел стоящего перед ним Александра с пистолетом в руке.

– Ну, привет, что ли...

Внешне Пахомов не сильно изменился – высокий и статный, скуластый. Разве что седина обильно осыпала его короткие и прямые волосы, жесткие и неуступчивые, как он сам.

– Надо же, – удивленно протянул Пахомов, – действительно Павлов. Не ожидал, что встречу тебя спустя столько лет, да еще в такой обстановочке.

– А по-моему, удивляться тут нечему, – оглядел спецчасть Артем. – Как раз такая обстановка – твоя стихия. Кругом враги, и только вы со «стечкиным» в героическом одиночестве отстаиваете правое дело. Красота...

Но Пахомов шутки не принял.

– Ты мне только одно скажи – ты на этих уродов работаешь или на кого? – угрюмо спросил он. – Кто из них тебе может платить так хорошо, как ты привык?

– Расслабься, Пахомыч, – улыбнулся Павлов, – я работаю на правильной стороне.

На заросшем щетиной лице Пахомова блеснула широкая белозубая улыбка.

– А знаешь, я тебе верю, – сказал он и, разведя руки в стороны, шагнул к бывшему однокурснику.

Друзья

Спирский уже завершил «мастер-класс», а Колесов так и не звонил. И тогда он сам набрал номер, но это не был номер Сергея Михайловича.

– Что там происходит?

– «Почтальон» зашел в спецчасть, – отрапортовал хорошо оплаченный и приближенный к новому начальнику охраны НИИ «клещ».

Петр Петрович насторожился. Проникновение адвоката противника в святая святых института выглядело подозрительно.

– И что он там потерял?

– Говорит, его попросила об этом жена чокнутого особиста. Типа, боится за мужа, просит вытащить.

Спирский хмыкнул. Версия была убедительной, а противник даже как бы помогал ему овладеть предприятием целиком. Но в бескорыстную щедрость московского адвоката как-то не верилось.

– А сам Колесов где?

– Караулит у дверей. Думает, что «почтальон» сумеет особиста выманить.

– Ну-ну, – пробормотал Спирский, – жди, Сережа, жди.

Он понимал, что, скорее всего, никакого подвоха здесь нет и Колесов искренне надеется получить-таки обещанные премиальные, а этот адвокат пытается вывести чокнутого особиста за территорию НИИ живым и более-менее здоровым. Но жизнь научила Петра Петровича быть осторожным. Да и то, что Колесов допустил в спецчасть человека Батракова, неважно, под каким предлогом, опускало его шансы на премию до нуля.

Он тут же набрал номер Колесова и, не вдаваясь в объяснения, распорядился:

– На выходе из спецчасти Павлова обыскать. И... помни о своих премиальных.

* * *

Они обнялись, и хозяин кабинета гостеприимно указал стволом пистолета на стул:

– Садись, Палыч.

Павлов присел, а Пахомов ногой подвинул табуретку, сел напротив и бросил на стол наградной «стечкин».

У этого пистолета с дарственной гравировкой и подписью генерала Громова на корпусе была прелюбопытная история. Вообще-то, за успешную операцию в Панджшерском ущелье Пахомова представляли к Звезде Героя, но где-то в штабах сочли такую награду чрезмерной, и Героя заменили на личное оружие. Впрочем, как были уверены все до единого однополчане Пахомова, на самом деле штабисты завернули Героя исключительно из-за взрывного характера и дурного нрава Сашки, поэтому командарм и наградил его сам, по-мужски.

Пахомов ухватил на три четверти опустошенную бутылку со спиртом и набулькал «огненной воды» в стакан и металлическую кружку. Затем пододвинул к Павлову бутылку с колой, ломоть черного хлеба и банку сардин и стукнул кружкой о стакан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.